

A man with a beard and a woman are looking at a snow globe. The man is wearing a dark blue coat and a thick dark scarf. The woman is wearing a red coat, a pink knit hat, and a pink scarf. The snow globe shows a small scene of a couple in winter clothes. The background is a snowy night scene with string lights and a building.

Анна Шнайдер

Почему
ТЫ
МОЛЧАЛА?

Анна Шнайдер

Почему ты молчала?

<https://litres.ru/74203957>

Аннотация

Однажды давным-давно Полина и Яков провели вместе новогоднюю ночь.

Так обычно начинаются сказки, но увы, дальнейшие события были далеки от сказочных.

И о том, что у той ночи были последствия, Яков так и не узнал.

Теперь их дети будут учиться в одном классе. И Полине придётся вспомнить, что всё тайное когда-нибудь становится явным.

Вас ждут:

- многочисленные ошибки прошлого
- женатый герой с двумя детьми
- героиня - мать-одиночка
- проблемные детишки
- ... и вообще всё очень сложно)))

Критиковать героев можно по-всякому, но на личности не переходим, друг с другом не ругаемся))

Книга - участник литмоба "Добиться любой ценой".
Остальные книги литмоба тут:

Содержание

Пролог	5
1	9
2	13
3	16
4	20
5	24
6	27
7	30
8	34
9	37
10	41
11	44
12	47
13	52
14	55
15	58
16	61
17	64
18	67
19	69
20	72
21	76
22	82

23	85
24	89
25	92
26	96
27	100
28	103
29	106
30	110
31	113
32	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

Полина

Я безбожно опаздывала.

Родительское собрание должно начаться через десять минут, а идти ещё как минимум двадцать. Молодец, Поля! Одна работа у тебя в голове! А как иначе, если мы с Иришкой только на моём обеспечении? Из родственников лишь моя мама, которая и так мне помогала во всём, но деньгами помочь не могла. А я, если получала удачный заказ, так в него погружалась, что порой ничего вокруг не слышала и не видела. Вот и сегодня я заработалась, совсем забыв о том, что в шесть назначено родительское собрание. Еле успела запрыгнуть в первое попавшееся платье и помчалась на сверхскорости, чувствуя себя не человеком, а межгалактической ракетой.

Три остановки на автобусе! Всего три. У меня была надежда успеть, но она рассыпалась прахом, как только я осознала, что автобус стоит не на светофоре, а в пробке. Попыхтев, будто неисправный поезд, я посигналила водителю, чтобы высадил меня, и...

Да, и тут закон подлости развернулся во всей красе: выходя из автобуса, я умудрилась как-то неудачно поставить ногу... и села в лужу. Сегодня погода была хорошей, солнечной

и сухой, но ещё накануне шёл ливень, поэтому высохло не везде. Вот и эта лужа, скорее всего, ждала меня со вчерашнего вечера. И дождалась.

Поднявшись, я отошла подальше от проезжей части и оглядела себя. Платье у меня было цветастым — светло-бежевый фон, а на нём мелкие разноцветные розочки. Легкомысленное платье для отдыха, но я выдернула из шкафа первое попавшееся и сейчас горько об этом пожалела, потому что разводы от грязной воды на подоле сзади видны были отчётливо. Молодец, Поля! Ну, хоть спереди всё нормально. Значит, твоя задача — не поворачиваться к приличным людям спиной. Показывай только лицо, и всё будет хорошо.

Клянусь, влажными салфетками я никогда не размахивала так же быстро, как сегодня, решив, что всё же надо немного почиститься. Увы, не слишком помогло, но хотя бы перестало капать с подола. Бр-р, неприятно, хочется поскорее переодеться, и будь у меня чуть больше времени, я бы просто завернула в магазин с одеждой и купила себе что-нибудь. Однако времени не было.

Я бодро зашагала по направлению к Иришкиной школе, поглядывая на часы. Итак, десять минут! Судя по карте, идти дальше, поэтому надо ускориться. Встречу с первой учительницей дочери я не хотела бы начинать с опоздания. Встречают-то по одежке... А эта самая одежка у меня и так, мягко говоря, непрезентабельная. А уж если я ещё и опоздаю!

В общем, я побежала. Благо на ногах у меня были удобные

старые туфли — в таких хоть на марш, хоть по горам лазить. Мягкие, как тапочки. Они меня и спасли — к школе я в результате подбежала без двух минут шесть. Запыхавшаяся и уставшая, как лошадь в конце скачек, но не опоздавшая! Если учесть, что собрание вряд ли начнут ровно в шесть, пару минут подождут для приличия, — точно успею. Сейчас же не зима, сдавать в гардероб вещи не на...

Додумать эту мысль я не успела.

Бежала я через стоянку, забитую машинами настолько плотно, что мне приходилось просачиваться между ними с точностью нитки, пролезающей через игольное ушко. И я никак не ожидала, что, как раз когда я буду пробегать мимо, дверь одной из иномарок распахнётся.

Затормозить я успела, не знаю, каким чудом, но успела. Больно ударилась коленкой — аж искры из глаз посыпались, — но хотя бы не упала второй раз за день. Хотя луж тут не было, но не хотелось бы окончательно отбить себе пятую точку.

— Осторожнее надо быть! — огрызнулась женщина, выбравшаяся из машины, но выдёргивать дверь из моих ослабевших пальцев не стала — просто обошла, как досадное препятствие, и направилась ко входу в школу. Сама школа была за забором, и поставить туда машину было нельзя. Видимо, поэтому стоянка перед забором и оказалась забита — наверняка сегодня у многих классов проходит родительское собрание.

«Ну и дамочка!» — подумала я, потирая ушибленную коленку. Хотела уже пойти за ней, как вдруг из машины вылез ещё один человек и до боли знакомым голосом произнёс:

— Извините, пожалуйста. Вы не сильно ушиб... Поля?!

Меня сначала обдало жаром, потом холодом, и я, обречённо вздохнув, всё-таки подняла голову, чтобы взглянуть в лицо человеку, который когда-то подарил мне Иришку.

Правда, он об этом не знал.

*

Дорогие читатели, добро пожаловать в новую историю! Будет сложно, но мы всё преодолеем))

Если вы в меня верите, ставьте, пожалуйста, звёздочки (не тут, а в карточке книги, где аннотация), помогите автору в борьбе за свою славу :)

*

История участвует в литмобе "Добиться любой ценой"
18+

Чувственные и эмоциональные истории, в которых герой добивается героиню, несмотря на преграды, запреты и нормы общества.

<https://litnet.com/shrt/5gQr>

Полина

Восемь лет назад

Безвозвратно закрывать страницы в прошлое всегда тяжело, особенно если в них было много счастья. Я со своим счастьем прощалась тридцать первого декабря. Почему именно тридцать первого, если свидетельство о расторжении брака я получила неделю назад? Просто символично. Новый год — новая жизнь, без сожалений о прошлом. Я очень старалась, чтобы ко мне вернулось хорошее настроение и моя извечная жизнерадостность, но получалось пока... даже не плохо — хреново получалось, если честно.

По этой причине я решила, что мне нужно развеяться, и поехала на новогоднюю ярмарку, которую расхваливала знакомая. В центре города на открытом воздухе в этом году с начала декабря действовала ярмарка разнообразных подарков и сувениров — можно было купить и что-нибудь вкусненькое для себя, и интересный подарок на Новый год. У меня все подарки уже лежали в шкафу дома, но я всё равно подумала: почему бы и нет? Ярмарка работает до пяти вечера — успею.

Я отправилась туда с утра пораньше, быстро позавтракав. Почему-то впервые за последние дни я чувствовала безум-

ное воодушевление... как раньше, когда я ещё не знала ничего о планах мужа. Будто ощущала скорые перемены.

На ярмарке оказалось очень уютно и по-настоящему волшебно. Милые палатки — зелёные и красные, с новогодними рисунками в виде звёзд, ёлочных игрушек, мишуры и прочего, — улыбающиеся продавцы, необычные товары, смеющиеся покупатели. Ещё и погода не подвела и была по-настоящему зимней — солнце пробивалось сквозь затянутое облаками небо, и шёл пушистый снег. Ветра не имелось, поэтому гулять среди палаток оказалось не слишком холодно, да и в любой момент можно было купить что-нибудь горячее на любой вкус. Горячая кукуруза, картошка фри, хот-доги, пончики, крендели — выбирай не хочу и наслаждайся.

Я бродила от одной палатки к другой, рассматривая разложенное на прилавках. Купила себе медовый пряник в виде снеговика и засунула его в карман пальто — дома съем. Долго торчала у палатки с изделиями из натуральных камней, слушала словоохотливую продавщицу, которая про каждый камень рассказывала так, будто он был живым человеком, и в итоге не выдержала — приобрела маленькую сферу из красной яшмы. Подумала: почему бы и нет? Я же не собираюсь вокруг этого камушка хороводы водить, просто зацепили истории продавщицы. Она утверждала, что красная яшма — камень матерей, способствует скорейшему зачатию, благополучной беременности и лёгким родам.

Возможно, это антинаучная ерунда, но мне вдруг захоте-

лось купить себе такой камушек и немного побыть девочкой, верящей в чудеса, а не взрослой тётёй, которая точно знает, что их не бывает. Почему бы и нет, в самом деле? Тем более что завтра Новый год.

Сферу из яшмы я засунула в другой карман пальто и отправилась бродить по ярмарке дальше. И ничего меня не интересовало, пока я неожиданно не заметила на прилавке то, о чём мечтала с детства.

Стеклянные шары!

Я видела такие только в зарубежном кино. Как-то не задумывалась никогда, продаются ли они у нас в принципе, — заприметила в детстве в каком-то фильме, спросила у мамы, можно ли купить нечто подобное, услышала в ответ, что нет, и успокоилась. Оставила свою мечту, почти забыла о ней. И вот...

Чувствуя недюжинный энтузиазм и расплывшись в улыбке, я подскочила к прилавку, протянула руку к ближайшему шару, внутри которого располагался заснеженный домик, схватилась за подставку... И недоуменно захлопала глазами, потому что одновременно со мной с другой стороны за подставку схватились ещё чьи-то руки!

— Прошу прощения, — со смехом сказал мужчина, сразу же убирая их. — Выберу другой шар.

Голос показался мне знакомым, я подняла глаза — и обомлела от неожиданности.

— Яков?!

— Поля?!

Воскликнули мы одновременно, я вздрогнула, и продавец, молодая девчонка, быстро сказала:

— Ой, пожалуйста, осторожнее с шаром, не уроните!

— Я не уроню, — уверила её я, продолжая смотреть на Яшу с улыбкой. — Сколько с меня за него?

Девушка назвала цену, я быстро расплатилась и, держа в руке вожаденный шар с домиком, отошла в сторону, чтобы не мешать другим покупателям.

— Отличный сувенир, — сказал Яков, кивнув в сторону моей покупки. — Кому-то подарить хочешь?

— Хочу. Себе, — засмеялась я. — Все подарки я уже купила, а сюда приехала просто так, на самом деле. А ты как тут оказался?

— Да, в общем-то, так же, — ответил Яков, разглядывая моё лицо. В его глазах было столько тепла, что у меня с каждой секундой повышалось настроение.

А потом он вдруг предложил:

— Поль, а давай сходим в кафе? Посидим, поболтаем. Можешь или торопишься?

Я совершенно никуда не торопилась, поэтому согласно закивала.

— Конечно, давай!

Полина

Стеклянный шар с домиком и снегом внутри. Эта игрушка теперь стояла в Иришкиной комнате на комод. Я говорила дочке, что купила шар в тот день, когда познакомилась с её папой, — хотя, на самом деле, это было неправдой.

Мы с Яковом Нестеровым вместе работали в издательстве «Гутенберг». Четыре года сидели за соседними столами в одной редакции, только я занималась литературой для подростков, а Яков был ведущим редактором направления «современная фантастика». Лёгкий и весёлый, он умел разруливать конфликты ещё на подлёте, харизма из него ключом была. Я ничуть не удивилась, узнав, что женился он практически сразу после школы, — такие мужчины долго одни не бывают, их расхватывают сразу, пока не опомнились.

Я испытывала к Якову глубокое уважение и большую симпатию, потому что за те четыре года, что сидела рядом, я ни разу не видела, чтобы он вёл себя недостойно. Нестеров, как и я, любил свою работу, равнодушно относился к выпуску книг, за своих авторов стоял горой. Хотя мне больше всего нравилось не это, а его семейственность — я всегда замечала, когда к Яше, как я его называла, начинали подкатывать. Неважно кто — коллеги или кто-нибудь из авторов-женщин,

это всегда заметно. Он оставался вежлив, и ни разу я не видела, чтобы он «клянул». О своей жене Нестеров отзывался с любовью и уважением, сына, который в то время ходил в детский сад, обожал. На экране компьютера Якова всегда стояла его фотография вместо заставки.

Мы почти каждый день ходили вместе обедать. Иногда вдвоём, иногда к нам присоединялись другие коллеги. Мне было легко с Яковым, и, увольняясь, я больше всего жалела именно о разрыве с ним. Хотя можно ли назвать это разрывом? Я просто перешла работать в другое место, устав от почти ежедневной долгой дороги до офиса и начальника-самодура. Нестеров жил ближе, да и с нашим руководителем ему было проще, чем мне — это я каждый раз тряслась, выходя с совещаний, а Яша потом отпаивал меня кофе из автомата. В отличие от меня, ему гораздо легче давалось общение с живыми людьми, а не с рукописями. И когда спустя некоторое время я узнала, что Нестерова повысили, не удивилась. Он заслужил.

Хотя в тот год, когда мы только начинали вместе работать, нам обоим было по двадцать три года. Практически вчерашние студенты, молодые и не слишком опытные. Я как раз вышла замуж, Яков был женат уже целых четыре года, имел сына — и я, вздохнув, призналась, что устроилась в «Гутенберг», надеясь на хорошие декретные выплаты. Не сейчас, конечно, но когда-нибудь в будущем. Увы, но эти мои чаяния не сбылись.

В общем, на тот момент, когда я встретила Яшу на новогодней ярмарке, мы не виделись около года. Именно столько времени прошло с момента моего увольнения, и Нестеров был не в курсе многих перемен в моей жизни — впрочем, как и я в его. Однако я хорошо помнила, насколько славно всегда чувствовала себя в компании Якова, поэтому соглашалась на кафе с огромным удовольствием и искренней радостью.

Не знаю, в какой момент мы с ним запустили цепочку определённых событий, ставших для меня настоящим счастьем. Когда встретились? Или когда я согласилась пойти в кафе? Или...

Впрочем, обо всём по порядку.

Полина

Мы отправились в ближайшее кафе, особенно не выбирая — просто вышли с территории ярмарки, увидели витрину, подмигивающую нам белыми огоньками гирлянды на окне, переглянулись, кивнули друг другу и решительно зашагали в сторону заведения.

По пути болтали об общих знакомых. Говорил в основном Яков — я, проработавшая с ним четыре года, была рада узнать, как поживают люди, вместе с которыми я когда-то делала книги. Новостей оказалось много — пара человек уволилась, кое-кто ушёл в декрет, некоторых повысили — короче говоря, нам было кого обсудить и без разговоров о себе. С особым удовольствием мы перемыли косточки моему бывшему начальнику, который и назначил Якова руководителем направления отечественной фантастики, — тот был тем ещё самодуром. Разговаривать он не умел в принципе — только орать. Поэтому я и не выдержала, а Нестеров как-то справлялся. Всегда справлялся, не обращая внимания на вечные крики по поводу и без — они до него будто не долетали. Или отскакивали, как мячик от стенки.

Кафе, в которое мы в тот день пришли, изнутри напоминало сладкий домик ведьмы из сказки про Гензель и Гретель.

Стены были похожи на розовый зефир, обклеенный маршмеллоу и конфетами, светильники под потолком казались пучками сахарной разноцветной ваты, столы были стилизованы под покрытые глазурью пряники. На каждом столике посередине красовались белые фонарики со стеклянными окошками, внутри мягко светились электрические свечи. В общем, уютно, хоть и подобный интерьер больше подходил для свидания или посиделок с детьми, чем для обычной встречи бывших коллег.

— А у вас точно есть нормальная еда? — громким шёпотом, округлив глаза, поинтересовался Яков у официантки, и я, не удержавшись, фыркнула. Молодец Нестеров! Я бы постеснялась спросить, а ведь у меня подобные мысли в голове тоже мелькали. Вдруг мы пришли туда, где подают только сладости? Вон какой интерьер сахарный.

— Точно! — ворчливо, но с вежливой улыбкой ответила молодая девушка. Она и сама была под стать интерьеру — в розовом платье с белым передником официантка напоминала зефирину. — В меню много всего, не только сладости.

— Ну слава богу, — вздохнул Яков и сделал вид, будто вытирает со лба несуществующий пот. Я не выдержала и прыснула, будто глупая девчонка, и он кинул на меня лукавый, искрящийся взгляд.

Когда Яша так смотрел на меня, я всегда чувствовала приятное тепло в груди. Не сомневаюсь, что нечто подобное ощущали многие женщины — всё-таки мой бывший колле-

га был на диво харизматичен. Его глубокие карие глаза, в которых порой, будто в тёмном янтаре, вспыхивали яркие солнечные искорки, не могли оставить равнодушной ни одну женщину. Но дело было не только в глазах, конечно, — ещё Яков был довольно-таки высок и статен, с отличной фигурой и широкими плечами. Волосы у него были тёмные и немного разной длины — возле висков с той и другой стороны почти бритые полосы, а дальше уже обычная короткая стрижка. Смотрелось интересно и очень ему шло.

А ещё Яков все четыре года, что я с ним работала, проносил густую бороду, из-за чего я иногда дразнила его гномом, а порой и вовсе — Гимли, сыном Глоина, — Нестеров, когда слышал это, всегда начинал хохотать и совсем не обижался. А один раз ответил, что он не просто гном, а гном-переросток, великан среди гномов, особо приближённый к королю — и тут расхохоталась уже я, помня о том, что Яков приходится генеральному директору «Гутенберга» троюродным племянником и изначально его устроили, что называется, по блату. О чём, кстати, была в курсе только я — сей факт Нестеров больше никому не рассказывал, а мне доверил, заявив, что я не проболтаюсь.

Мы сели за столик, и я сразу охнула — диван подо мной оказался мягким, будто облако, и я провалилась в него, как муха в кисель. Но я ещё ничего — не настолько я большая, — а вот Яше пришлось туго. Он забарахтался, зашевелил руками, сминая диван — будто тесто месил, — и пробурчал, по-

глядев на официантку строгим взглядом недовольного клиента:

— Это месть за вопрос про нормальную еду, что ли?

Я засмеялась, а девушка, порозовев и слившись цветом со своим платьем, пробормотала:

— Прошу прощения, я не подумала! Если хотите, я вас посажу в другую зону, где сиденья потвёрже. Это релакс-зона, для семей с детьми...

— Да уж, семьям с детьми нужен релакс, согласен, — фыркнул Яков и всё же смог выпрямиться, а после и встать. — Хотя мой сын способен довести меня до подобного желеобразного состояния и без участия всяких сомнительных диванчиков.

Я вновь захихикала, а Яков, подмигнув, подал мне руку, помогая подняться. Мы пошли за официанткой, только теперь в дальний конец помещения, где нас усадили на другие диванчики — тоже мягкие, но не настолько. Затем девушка положила перед нашими носами меню и карту напитков, сказала, что придёт через пять минут, и удалилась.

А я, открыв меню, спросила — точнее, даже брякнула — то, что давно хотела узнать:

— Слушай, а почему ты сейчас не с женой и сыном? Тридцать первое декабря всё-таки...

Я на мгновение подняла глаза от меню — и замерла, заметив, как Яков разом помрачнел, даже цвет его радужки будто превратился из карего в чёрный.

Полина

Я сразу поняла: что-то случилось. Было невозможно не понять, я же не идиотка, да и за четыре года совместной работы с Яковом — пусть мы только сидели рядом, а занимались разными книгами — я достаточно изучила коллегу. Яшу было трудно вывести из себя, даже в самых сложных случаях он сохранял хладнокровие и благодушие. Меня особенно восхищало то, как он умел разговаривать с истеричными людьми — а среди авторов попадаются и такие. Хотя любого человека можно довести до истерики, особенно если гонорары задерживать. Редакторы тут ни при чём, но бухгалтерия вне зоны досягаемости, потому орут на тех, до кого можно дотянуться.

В общем, в подобном настроении я Нестерова не видела никогда. Всякое бывало, но чтобы на его лицо будто туча набежала после вопроса про жену и сына — нет, такое впервые.

— Не хочешь — не рассказывай, поговорим о чём-нибудь другом, — быстро произнесла я и, потянувшись, легко погладила лежавшую на столе руку Якова. Он тут же развернул мою ладонь и на секунду переплёл наши пальцы, поблагодарив меня за эту поддержку, а затем отпустил мою руку.

— По правде говоря, я не знаю, чего хочу, — усмехнул-

ся Яша. И такую усмешку я тоже у него ни разу не видела — столько в ней было горечи и какой-то... безысходности, что ли. Мне даже остро захотелось погладить Нестерова по голове, как маленького расстроенного мальчика.

— Ну... у тебя будет время подумать, пока нам всё готовят. Потом ещё пока поедим... В любом случае я приму любое твоё решение.

— Спасибо, Поля, — сказал Яков сердечно, глядя на меня с благодарностью. — Ты всегда была для меня особенным человеком, честно говоря, и если уж с кем-то и обсуждать всё это дерьмо, то с тобой.

— Почему — особенным? — удивилась я, и Нестеров улыбнулся. Вот теперь я его узнавала! Широкая и весёлая улыбка с капелькой озорства — типичный Яша, мой обожаемый «сосед по парте», как я его в шутку называла из-за того, что наши столы стояли рядом.

— Потому что ты самая милая девушка из всех, кого я знаю, — ответил он с теплотой в голосе, и я улыбнулась, немного смутившись. — Очень искренняя, добрая, честная. Давай я тебе признаюсь кое в чём...

Мне вдруг захотелось залезть под стол. Я даже дыхание задержала. Если Нестеров сейчас скажет что-то в стиле «ты всегда мне нравилась» — я прямо тут и скончаюсь от шока и неловкости!

Но Яков сказал совсем другое.

— Ты единственная девушка из числа моих коллег, кото-

рая никогда не делала мне двусмысленных намёков.

— Что? — Я аж глаза вытаращила. В смысле — единственная?!

— Да, представляешь, — фыркнул Нестеров. — Все молоденькие девчонки у нас на работе хоть раз, но стреляли глазками.

— Даже замужние, что ли?

— Угу.

— Может, тебе показалось? — с надеждой протянула я, и Яков откровенно засмеялся.

— Нет, Поль, мне не показалось. Уж флирт от дружеского подтрунивания я отличу. Не переживай, я не имею в виду всех без исключения, как это, должно быть, показалось по моей первой фразе. Только тех, кому меньше тридцати — в общем, наших ровесниц. Впрочем, среди тех, кто постарше, тоже...

— Молчи! — я замахала на Якова обеими руками, и он вновь засмеялся, глядя на меня почти с умилением. — Не хочу ничего такого знать, боже! Хочу жить в стране розовых единорогов, которые какают бабочками.

Нестеров поперхнулся смехом, вытер слезившиеся от хохота глаза, а потом неожиданно вновь взял меня за руку и крепко, но нежно пожал ладонь.

— Как же хорошо, что я тебя сегодня встретил! — сказал он с улыбкой, глядя на меня с таким трепетом, что сердце в груди на мгновение затрепыхалось пойманной птицей. —

Впервые за последние дни хоть человеком себя почувствовал. Я всё-таки хочу рассказать тебе, Поль... Разрешешь?

— Конечно!

— Только сначала сделаем заказ. Где там наша зефирка... то есть официантка...

Девушка как чувствовала и, только Яков начал озираться, подскочила к нашему столику. Учитывая, что меню я не особенно разглядывала, пришлось ткнуть в первые попавшиеся на глаза блюда — горячее, десерт, чай. Нестеров, думаю, сделал то же самое.

А когда официантка ушла, начал рассказывать, поразив меня первой же фразой.

Полина

— Я ушёл от жены, — тяжело уронил Яша, сразу же по-мрачнев. Видимо, нелегко ему далось подобное решение. — Пока временно, чтобы подумать, но... Чем больше думаю, тем сильнее склоняюсь к мысли, что нам нужно развестись.

Я, помня о том, с какой любовью Яков всегда говорил о своей Оксане, которую он ласково называл Ксеньей, слушала с открытым ртом. Я воспринимала брак Нестерова как нечто нерушимое, незыблемое, образцовое — нет, не завидовала, я в принципе не умела завидовать, тем более таким хорошим людям, каким был Яша. Просто много раз, глядя на него, я невольно думала, что его жене безумно повезло.

И если бы передо мной сейчас сидел не он, а кто-то из офисных сплетниц, я бы не поверила в подобные новости ни за что в жизни. Уж кто-кто, а чтобы Яков решил развестись?! Да это шутка какая-то!

Однако, глядя в его глаза, которые сейчас казались мне мутными от боли, я понимала: не шутка.

— Вы... поссорились? — осторожно спросила я, и он искривил губы в злой усмешке, но она предназначалась явно не мне — взгляд был направлен в пространство. Задумчивый и отчаянный взгляд.

— Я бы не назвал это ссорой. Ты же помнишь, я говорил, что женился в девятнадцать? Мы с Ксеньей начали встречаться ещё в школе, очень любили друг друга — от нас тогда во все стороны искры летели. Несмотря на это, жениться мы не собирались, думали подождать до окончания учёбы в институте, не торопиться, но...

— Залёт?

— Ага. Не могу сказать, что мы огорчились. Сначала, конечно, были в шоке, но потом обрадовались, ждали сына, покупали для него всякие мелочи. Имя выбирали... Решили Ваней назвать. Иван Яковлевич — звучит же, да?

— Да, — подтвердила я, понимая, что Нестеров стремится задержать объяснение о том, что случилось в настоящем времени, поэтому говорит о прошлом.

— В общем, я учился, Ксения сидела с Ваней. Институт она забросила — ей времени на него не хватало, бабушки-дедушки нам не особенно помогали. Воспитательный момент, знаешь ли, — сказали, что, раз мы такие взрослые, что ребёнок сделали, осилим и позаботиться о нём. Вот Ксения и сидела с Ваней почти круглосуточно, пока я работал и учился, чтобы нас содержать. И даже когда Ваня подрос и в сад пошёл, она ещё не могла выйти на полноценную работу. Сама понимаешь, все эти больничные... Да и не хотела она сразу работать идти, решила институт сначала окончить нормально.

Яков тягостно и зловеще замолчал, глядя в стену над моей

головой, а я не знала, как будет лучше — задать уточняющий вопрос? не задавать?

В итоге всё-таки задала.

— Она... пошла учиться?

— Пошла, — кивнул Нестеров, и его лицо исказилось, словно от судороги. — Начала посещать занятия, как только Ваня в школу пошёл два года назад. Летала просто от счастья, что наконец может не только дома сидеть. Точнее, Ксения так мне говорила, и я за неё радовался. А потом оказалось, что она влюбилась.

Полина

Это слово по отношению к жене Якова — влюбилась! — произвело на меня впечатление не меньшее, чем произвела бы молния, если бы шарахнула сейчас в столик, за которым мы сидели и ждали заказ.

Как это — влюбилась? У неё же замечательный муж, ребёнок, хорошая семья, счастливый брак...

— Как это — влюбилась? — повторила я собственный мысленный вопрос вслух, зачем-то хватаясь за горло, будто меня что-то душило.

— А ты ещё спрашиваешь, почему ты для меня всегда была особенной, — печально улыбнулся Яша. — Только тебе подобный вопрос в голову мог прийти. Как влюбилась... Да обычно, взяла и втюрилась в однокурсника. И стала с ним встречаться.

Я почувствовала, что начинаю охреневать.

— Встре...чаться?

— Ага. Я ничего, конечно, не знал. Ну ходит она на занятия и ходит, ну светится — вообще отлично. Олень! — Нестеров закатил глаза. — И ничего я, наверное, и не узнал бы, если бы не Ваня.

— Сын?..

— Да, представляешь, Поль, — Ванька-то умнее меня оказался! — ядовито процедил Яков, качая головой. — Хотя тут Ксения больше виновата. Она почему-то решила, что он маленький ещё, ничего не понимает. Да какой маленький — мужику скоро девять! Говорила при Ваньке со своим хахалем, сын потом мне и сказал — мол, папа, мама себя странно вела. Я говорю — почему странно? Ну он и ответил, что она говорила по телефону с каким-то парнем как будто со мной. Я сначала подумал — ерунда, и тут Ванька заявляет: «И обещала завтра остаться подольше, потому что у тебя вечером совещание».

Честно, я не знала, как дышать. Ужасно сочувствовала Якову, у меня просто сердце разрывалось от боли за него. А ведь ещё недавно я всерьёз думала, что поступок моего мужа по-настоящему омерзителен, что хуже и быть не может! Выяснилось — может. У нас с Андреем хоть детей общих не было. Собственно, поэтому он и ушёл.

— И всё равно я не сразу поверил, — продолжал Яков мрачно, и я сочувственно прошептала:

— Да кто бы на твоём месте поверил... Столько лет вместе...

— Вот именно, Поль! — кивнул Нестеров. Мне чудилось, что он едва сдерживается — настолько хочет заорать от боли. — Столько лет вместе, а она два года мне голову дурила, смотрела в глаза и лгала. У меня это в мыслях не укладывается. Я бы ещё мог понять, если бы она сразу рассказала...

Влюбились в другого, пришла и призналась — мол, Яшка, давай разведёмся. Да, это тоже мучительно, но ни в какое сравнение не идёт с ложью в течение нескольких лет! А Ксения знаешь что мне сказала, когда я принялся её обвинять?

Я была не уверена, что хочу это знать.

Да что там! Я была уверена, что не хочу этого знать, чёрт побери! Но Яше нужно было выговориться. Он, конечно, изо всех сил держал лицо, но я видела, как его внутренне трясёт.

— Что?

— Что она не хочет разводиться! — выпалил Яков, и я охнула.

Полина

Признаю, я наивный человек. Точнее, я человек, которому совсем чуждо подобное поведение. Да что там чуждо: я даже осознать его была не в силах.

Как можно, влюбившись в другого, не желать разводиться с нелюбимым мужем?

По-моему, одно с другим никак не сочеталось, но многие люди плевать хотели на мою логику — у них была своя.

— Ксения сказала, что... — Яков вздохнул и потёр глаза. Он выглядел так, будто сейчас разрыдается. — В общем, она попросила прощения. Сказала, что у неё просто увлечение, не серьёзно, и она готова бросить этого своего... хоть сейчас. И типа больше никогда. Но чтобы без развода.

— По-моему, это называется лохотрон, — пробормотала я, и Нестеров хмыкнул.

— По-моему тоже. Из меня и так два года оленя делали, что-то не хочется продолжения. Но Ванька...

— Понимаю, Яш. — Я, переполненная сочувствием, вновь накрыла ладонью его руку. Он переплёл мои пальцы со своими, но в этот раз не отпустил, а продолжал держаться за меня — как утопающий за соломинку.

Он хотел сказать что-то ещё, однако в этот момент наша

официантка принесла заказ, точнее, часть заказа — горячее и чай. Потом пошла за десертами, и только когда она закончила с выносом, Яков продолжил:

— Спасибо, что выслушала, Поль, — сказал он с искренней благодарностью и не отнимая руки. — Я ещё никому не говорил, даже родителям. Пытался, но не смог — горло перехватывает каждый раз, как пытаюсь. А с тобой вот получилось. Даже не знаю почему. Спасибо! — повторил он, поднимая мою ладонь, и неожиданно поцеловал её. Причём не тыльную сторону, а именно ладонь, самую серединку.

По сравнению с моей прохладной кожей губы Якова были почти горячими, а борода чуть кололась. Муж всегда гладко брился, поэтому я не представляла, какой эффект даёт борода, и вдруг подумала — интересно, каково это: целоваться с Нестеровым?

Подумала — и сразу едва не умерла от смущения, почувствовав волну жара. Так чувствуешь себя в душе, когда горе-сантехники внезапно выключают холодную воду. Мгновение — и ты варёная свёкла.

— Не за что, — проговорила я тихо, отчего-то ощущая разочарование, когда Яков всё же отпустил мою ладонь.

— И прости, что испортил тебе настроение, — вздохнул он, придвигая ближе свой стейк с каким-то салатом из овощей. — Но я исправлюсь, клянусь.

— Не переживай, всё в порядке. А где ты сейчас живёшь? Не у родителей?

— Нет, квартиру снял. Ванька очень переживает... — Яков болезненно поморщился. — По учёбе начались трудности, сосредоточиться не может.

— А давно... всё это?

— Две недели как ушёл. Ксения звала на Новый год, — Нестеров скрипнул зубами, — но я отказался. Ваня расстраивается, понимаю, и она на это напирает изо всех сил. Я уже слышать не могу, как Ксения постоянно ноет, что сын скучает, переживает и так далее. Как будто это так легко, б...

Яков запнулся, и я сразу поняла почему: он не ругался матом при женщинах, это был его принцип. Говорил мне когда-то, что с друзьями может вставить крепкое словцо при необходимости, но ругаться при слабом поле считает признаком быдла. Да, так и говорил — мол, только быдло матерится при женщинах, на что я, смеясь, возражала, что некоторые представительницы прекрасного пола и сами заткнут за пояс любого мужчину.

— Ругайся, если тебе хочется, Яш, — сказала я и в очередной раз поймала его руку. Что это с нами такое сегодня? Мы почти не прикасались друг к другу, пока работали, а теперь... Не знаю, как Якова, а меня прям тянуло к нему. Даже обнять хотелось. — У тебя ситуация такая, что не ругаться невозможно.

— Я всё-таки воздержусь, — негромко ответил Нестеров, погладив большим пальцем моё запястье. Я от этой нехитрой ласки едва не застонала — усилием воли подавила все

звуки, но, кажется, задышала быстрее... и сглотнула, заметив вдруг, с каким выражением Яков смотрит на меня.

Это длилось лишь мгновение — да, всего лишь мгновение, но мне показалось, что Нестеров, глядя мне в глаза, думает о чём-то очень интимном. Потом он моргнул, улыбнулся, качнув головой — будто говорил сам себе: «Ты сдурел, Яшка!» — и всё прекратилось.

— Давай есть? — улыбнулся он, отпуская мою ладонь. — Не знаю, как у тебя, а у меня всегда после сытного обеда настроение повышается. Думаю, это мужская привилегия.

— Согласна, — улыбнулась я в ответ и взялась за приборы.

Полина

Следующий час, поглощая свой обед, мы не разговаривали ни о чём болезненном, вновь переключившись на обсуждение наших работ — бывшей и нынешней.

После ухода из редакции, в которой работала с Нестеровым, я устроилась в другое издательство, помельче, но ближе к дому, и занималась почти тем же самым, только возраст моей потенциальной целевой аудитории стал меньше: я выпускала книги для младших школьников. И пусть зарплата была немного ниже, нынешняя работа нравилась мне гораздо больше прошлой — хотя бы потому, что неврастеников среди моего начальства не имелось. Услышав эту ремарку, Яков хохотал так, что чуть чаем не подавился.

Я поведала о своих новых обязанностях, о коллегах и директоре — Нестеров слушал с большим интересом, и я видела, как из него постепенно уходит та мрачность, с которой он рассказывал про разлад с женой. Яша всегда умел быстро брать себя в руки. Я тоже не была склонна к долгому унынию, но всё же с его собранностью и рядом не стояла. Поэтому периодически, глядя на Якова, задумывалась: интересно, он решится на развод или захочет попытаться сохранить семью?

Я не знала, как бы поступила на его месте. Даже представить не могла. У Якова сейчас был выбор — мне же выбора никто не предлагал...

Честно говоря, я думала, что больше ничего мучительного мы обсуждать не станем, но, как только я доела свой лавандовый чизкейк — соблазнилась на название, но ничего особенного он из себя не представлял, — Яков поинтересовался, посмотрев на меня внимательно и немного нетерпеливо:

— А теперь признавайся, ты-то почему сидишь тут со мной, вместо того чтобы проводить время с мужем?

Я вздохнула и шутливо зажмурилась.

— Вот обязательно тебе всякую гадость обсуждать?

— Так, ясненько, — засмеялся Нестеров. Да, он улыбался, но его взгляд был серьёзным и полным беспокойства за меня. — Значит, мужья — это «всякая гадость». Запомним, запомним...

— Смотря какие мужья, — фыркнула я. — Бывшие — точно гадость.

— Вот оно что, — кивнул Яков, не удивившись. — Я так сразу и подумал. Я же видел твоего Андрея однажды, помнишь?

Конечно, я помнила. В самом начале моей работы в «Гутенберге» мы вместе приходили на новогодний корпоратив. Тогда издательство ещё не настолько разрослось, и это разрешилось. После того как генеральный «Гутенберга» умудрился приобрести ещё несколько закрывающихся издательских

домов, сотрудников настоятельно попросили ничего подобного не проворачивать, потому что рестораны не резиновые.

— Я сразу заметил, что он у тебя тот ещё ревнивец, — усмехнулся Яков. — Когда ты сказала: «Вот, Андрей, это мой сосед по парте» — и засмеялась, я думал, его удар хватит.

Ну да, есть такая черта у бывшего мужа, увы. Ещё и из-за неё я до последнего думала, что он меня всё-таки любит. Как можно ревновать того, кого не любишь?

Видимо, как-то можно. Правда, я не умею.

— В общем, не отпустил бы он тебя тридцать первого никуда, — подытожил Нестеров. — Значит, рядом с тобой его сейчас нет.

— В логичности тебе не откажешь, — иронично протянула я, показательно оглядевшись, чем вызвала у Яши смехок.

— Расскажешь, Поль? — спросил он, и я по глазам видела, насколько он хочет, чтобы я поделилась с ним этой историей. — Не одному же мне сегодня откровенничать. Впрочем, заставлять не стану — если ты не хочешь, больше не буду спрашивать.

— Думаешь уравновесить свою историю моей? — улыбнулась я, и Яков кивнул, разводя руками. Мол, не виноватый я, оно само так получилось.

— Что ж... Тогда слушай...

Полина

Прежде чем начать, я посмотрела в окно. На улице царила по-настоящему волшебная зимняя погода — лёгкий пушистый снежок, искрящийся в вечернем свете фонарей, медленно падал с неба, превращаясь в тёплое белое одеяло.

В прошлом году снега на Новый год не было, и мы с Андреем ещё шутили по этому поводу — мол, пора вводить какие-то особенные традиции для празднования бесснежного Нового года, а то ёлки среди грязи выглядят как-то безрадостно. Я подарила мужу новые, давно вожаделенные наушники, он мне — разные сладости, мы немного посидели перед компьютером, смотря какую-то комедию, но легли не слишком поздно, несмотря на взрывы фейерверков за окном. А утром поехали к моим родителям, после обеда — к родителям Андрея.

Тихо, мирно, чинно. Я даже не догадывалась, что в то время он уже собирался уходить от меня. Раньше думала, что это запредельный уровень лицемерия, но Яшина жена умудрилась переплюнуть рекорд Андрея.

— У меня проблемы со здоровьем, Яш, — призналась я, и Нестеров тут же изменился в лице, откровенно перепугавшись. — Нет-нет, ничего серьёзного, не думай! Я не рас-

сказывала тебе просто. Я не могу забеременеть. Я отправилась к врачу, когда мы с Андреем целый год пытались сделать ребёнка, но не выходило. В целом эпопея длинная и не слишком весёлая — специалист мне попался неважный, выписал гормональное лечение, которое не помогло абсолютно. Единственное, что я словила, — это многочисленные побочки вроде тошноты и беспричинного жара. Я обратилась к другому врачу, и она схватилась за голову. Оказалось, что этот... приличных слов я не найду... чересчур много пичкал меня гормонами, нельзя было так делать. Новая врач объяснила, что мои яичники истощены и даже если я смогу забеременеть, то не сейчас — мне нужна серьёзная терапия, и не только терапия. Сначала операция. Я как раз настраивала себя на неё, когда Андрей сообщил, что ему надоело, что он хочет нормальную семью, бабу — да, так и сказал, — которая будет сидеть дома, готовить борщ и нянчить детей, а не «это вот всё». И он себе такую женщину нашёл.

Я замолчала, вспоминая тот вечер через полтора месяца после Нового года. Я тогда две недели как уволилась из «Гутенберга», привыкала к новому коллективу, была в постоянном контакте с врачом, собиралась готовить документы на плановую госпитализацию, и тут вдруг заявление Андрея.

Удар ножом в спину — вот как я могла бы охарактеризовать подобное.

— Не зря твой муженёк мне сразу не понравился, — покачал головой Яков. — Это ж надо...

— Да ладно тебе. Сам подумай. Хотел бы ты себе такую жену? Мы пять с лишним лет мыкались, и сколько впереди ещё лечения — одному Богу известно. Мне двадцать восемь, Андрею тридцать четыре, он хочет ребёнка сейчас, а не когда ему будет сорок.

— Ребёнка обычно хотят не самого по себе, а от конкретного человека, — возразил Нестеров. — А твоему муженьку, получается, всё равно, кто родит?

— Ну почему всё равно, полагаю, он хорошую женщину себе нашёл. Которая будет варить борщ и воспитывать детей, — я фыркнула. — Готовить я люблю, но работать в издательстве я люблю ещё больше. Плохая из меня жена, короче.

— Не говори глупости, Поль, — укоризненно протянул Яков и в который раз за сегодняшний день взял меня за руку. Но на этот раз не одной ладонью, а двумя. И принялся перебирать мои пальцы, гладить, и всё это — глядя мне в глаза. — Ты замечательная, не нужно себя ни в чём винить. Твой бывший муж поступил просто подло.

«Подло, но я могу его понять», — хотелось ответить мне, но я промолчала, почти оглушённая собственными ощущениями.

По коже, начиная с того места, где ко мне прикасался Яков, будто бежали маленькие разряды удовольствия. Они заставляли сердце биться чаще, щёки — гореть, а дыхание — сбиваться.

Я думала отвести взгляд — потому что чем больше я

смотрела на Яшу, тем сильнее погружалась в какую-то сладкую негу, — но у меня ничего не получалось.

Я увязла в нём, как муха в варенье.

— Давай ещё немного погуляем? — предложил Нестеров и со вздохом признался: — Мне не хочется домой. Точнее, не домой, а в ту квартиру... Приду — и сразу нырну в уныние.

— Аналогично, — пробормотала я и не выдержала — прикрыла глаза. Как же хорошо, когда мы сидим вот так и он держит меня за руку!

— Значит... — продолжил Яков несмело, и я кивнула.

— Да, давай погуляем.

Полина

Думаю, цепочку дальнейших событий в тот момент было уже невозможно разорвать, но, оглядываясь назад, я ни о чём не жалею. Яков — да, скорее всего, пожалел обо всём, но я — нет.

Ведь иначе у меня не было бы моей Иришки...

Мы гуляли по городу ещё часа два, наслаждаясь чудесной погодой и обществом друг друга. Больше о семейных проблемах не говорили, единодушно признав, что хватит портить себе и так неустойчивое настроение. Болтали о пустяках, смеялись, вспоминая забавные случаи из совместного прошлого, даже немного в снежки поиграли, благо снега на улице было много. Яша ещё попытался снеговика слепить, но ничего не вышло — температура была неподходящей для подобных свершений, и всё рассыпалось.

Было очень душевно, и в какой-то момент я с улыбкой подумала, что нынешняя встреча с Яковым — самое идеальное из моих немногочисленных свиданий. Несмотря на то, что никаким свиданием она, по сути, не являлась. Я отлично понимала, что мы с Яковым просто хорошие приятели, бывшие коллеги, случайно столкнувшиеся на улице перед Новым годом и решившие провести друг с другом немного времени,

а заодно и подлечить сердечные раны. Я была для Нестерова лекарством, так же, как и он для меня. Способом забыться и забыть о проблемах.

Замерзать я начала ближе к одиннадцати часам вечера и с сожалением признала, что пора бы домой, иначе я сама стану снеговиком взамен того, что Яков так и не слепил. Он засмеялся и кивнул, сказав:

— Я провожу тебя, Польш.

Я не возражала — ничего другого я и не ожидала от Нестерова, который наверняка считал, что мальчик обязан проводить девочку до дома, особенно если время позднее. Да я и сама так думала. Кроме того, я отлично понимала, что Яша никуда не торопится — он упомянул, что к сыну поедет только утром, а сегодня совершенно свободен, как и я.

До моего дома от ближайшей станции метро идти было около десяти минут, и когда мы выбрались на улицу и зашагали по тротуару — свежавывавший снег под нашими ногами скрипел и похрустывал, будто не желал, чтобы по нему ходили, — я, подумав, что мы с Яковым гуляем уже давно, произнесла:

— А не хочешь зайти ко мне и...

— Хочу, — быстро ответил Нестеров, не дослушав, и так на меня посмотрел, что я моментально проглотила продолжение фразы. Я-то хотела сказать: «Выпить чаю и зайти в туалет перед обратной дорогой», не думала я ни о чём большем. А вот Яков, отвечая «хочу», явно подумал совсем о дру-

гом, если судить по взгляду.

Он был словно ожог. Опалил меня так, что стало жарко и немного больно в груди. Мысленно я заметалась в смятении, но губы предпочли ответить самостоятельно, без участия разума:

— Хорошо.

Яша улыбнулся — и улыбка эта была наполнена таким количеством различных эмоций, что я просто залипла, глядя на неё. Я чувствовала в ней и нетерпение с предвкушением, и теплоту, и нежность, и почему-то сожаление, и что-то нервное — как будто Нестеров сомневался в своих действиях. Впрочем, он, наверное, действительно сомневался.

А я? Сомневалась ли я? В тот момент — нет, потому что я всё ещё не могла осознать реальность происходящего. Переключиться с Якова — бывшего коллеги и хорошего друга, на Якова — любовника, у меня никак не получалось. Да какой любовник, боже? Я наверняка всё неправильно поняла.

Пока мы шли к подъезду — в этот раз молча, — я окончательно убедила себя, что мне просто показалось. Яша же не мог иметь в виду то, о чём я сейчас подумала? Конечно, не мог. Да, он поссорился с женой, но не развёлся ведь ещё. И в целом подобное не в его характере. Я неправильно поняла.

Мы вошли в подъезд, поднялись по лестнице к лифтам, я нажала на кнопку. Двери кабины тут же раскрылись, мы шагнули внутрь... и сомнения в намерениях Якова растворились окончательно, когда он меня поцеловал.

Полина

Поцелуй длился недолго — квартира у меня всё-таки на шестом, а не на двадцатом этаже, — но мне хватило, чтобы по-настоящему очуметь и расплавиться. Из головы все мысли словно ветром выдуло — и вернулись они не скоро.

Целовался Яков не деликатно и не осторожно. По правде говоря, он на меня почти набросился, словно давно сдерживался и наконец отпустил себя, — схватил в охапку, наклонился и приник к губам, как умирающий к роднику с живой водой. Одна его рука легла мне на талию поверх пальто, другая сначала погладила по щеке, а потом опустилась на шею сзади, легко массируя затылок.

Руки у него были тёплыми, несмотря на то, что мы вошли в подъезд с мороза. Хотя по сравнению с губами, показавшимися мне почти горячими, руки были даже прохладными, но сама я была гораздо холоднее.

«Ну вот, теперь я знаю, каково это — целоваться с мужчиной, у которого есть борода», — подумала я что-то совсем глупое, растерявшись от Яшиного напора. Всё действительно оказалось не так, как с мужчиной без волос на лице, — борода и правда слегка кололась, — но мне понравилось. Щекотно и волнительно...

— Ты такая холодная, — прошептал Яков, выводя меня из лифта. Если бы не Нестеров, я бы и не услышала, что двери открылись. — Сейчас я тебя согрею.

Я вздрогнула, но дрожь эта не была дрожью волнения или неприятия — я уже начинала предвкушать дальнейшее и больше ни о чём не могла думать, кроме как о том, что скоро случится.

Я еле нашла ключи в своей маленькой сумочке через плечо, где у меня обычно помещалось то небольшое, что я брала с собой на прогулку, — мобильный телефон, носовые платки, банковская карта и упаковка влажных салфеток, — а уж вставить один из ключей в замок у меня и вовсе не получилось. Яков со смешком отобрал связку и сделал всё сам. Потом убрал ключи обратно в мою сумку, застегнул её — и вновь поцеловал меня, прижав к входной двери.

— Не удержался, — сказал он, касаясь ладонью моего лица. — Ты такая милая, Поль. Пойдём скорее, а то я с трудом терплю уже.

— В туалет хочешь? — попыталась пошутить я, но Яков настолько многозначительно посмотрел в ответ, что шутить сразу расхотелось.

— Тебя хочу, — негромко произнёс он, опуская входную ручку и толкая дверь вперёд. Потом подхватил меня под локоть и почти внёс в прихожую. Захлопнул дверь — и мы остались в крошечной темноте, ведь единственный источник света с лестничной площадки оказался перекрыт, а окон

здесь не было.

Я не видела абсолютно ничего, как ни старалась. Моргала, пытаюсь различить хотя бы что-то — но безуспешно. Я только чувствовала рядом Якова. Он стоял вплотную и пока не двигался.

— Я сейчас включу свет, — прошептала я. — Здесь справа на стене выключатель...

— Не надо, Поль. Подожди, — ответил Яков, разворачивая меня лицом к себе. — Хочу пока так. Боюсь, что ты передумаешь...

Передумаю?..

Я не знала, не представляла, могу ли передумать — но в любом случае Нестеров не дал мне ни малейшего шанса это сделать.

Полина

Говорят, что в темноте все чувства обостряются, и теперь я знаю — истинная правда. Особенно когда рядом с тобой человек, которого ты никогда не представлял в роли партнёра. Немного вру, конечно: несколько раз мысли были, но мало и почти невинные — как та мысль о поцелуе. Ничего откровенного.

А сейчас происходило откровенное.

Яков меня раздевал. Медленно — несмотря на то, что ещё недавно говорил «пойдём скорее», — и постоянно проводя ладонью то по моим волосам, то по щеке, касался губ в нежном кратком поцелуе. Снял шапку, шарф, расстегнул пальто... и когда стягивал его с меня, я обнаружила, что начала видеть очертания окружающих предметов.

— Вон там шкаф, — шепнула я и заметила, что Нестеров кивнул. Он почему-то молчал — словно боялся, что голос его подведёт.

Убрал мою верхнюю одежду, затем принялся расстёгивать своё пальто. Гораздо быстрее, чем моё, — справился за несколько секунд и тоже повесил в шкаф, зацепив за воротник. Вновь повернулся ко мне — и начал садиться на корточки, по-видимому решив снять с меня сапоги.

— Давай обувь я сама, — предложила я, почему-то застеснявшись, но Яков покачал головой.

Первая молния — вниз. Тёплая рука, погладившая косточку на щиколотке. Пальцы, пробравшиеся под пятку... И вот я уже осталась без одного сапога.

Со вторым Яков поступил точно так же, а затем, выпрямившись и быстро выскочив из своих ботинок, словно его кто-то кусал за подошву, подхватил меня на руки, как невесту.

— Ох! — пробормотала я, не ожидая ничего подобного, и обняла Якова за шею.

— Куда идти, Поль? — спросил он хрипло и торопливо, потеревшись носом о мою щёку. Его борода приятно щеко-тала кожу, и я улыбнулась.

— Туалет и кухня — налево, гостиная и маленькая комната — направо. Может, сначала...

Я хотела сказать «помоем руки», но не успела, потому что Яков вновь меня поцеловал, шагая направо.

В гостиной оказалось гораздо светлее, чем в прихожей, хотя бы потому, что комнату заливал свет уличных фонарей, отражавшийся от снега за окном. Вокруг всё равно царил полумрак, но кое-что увидеть было можно.

Яков поставил меня перед диваном, и не успела я опомниться, как Нестеров потянул вверх мой свитер. Бросил его на диван и обнял меня, растирая мои плечи, которые по сравнению с ладонями Якова казались совсем ледяными.

— Полечка, — прошептал он, спуская лямку лифчика, и коснулся губами обнажённого плеча. Меня в тот момент будто молнией ударило, а между ног сразу стало горячо и... пусто.

— Яш... — кажется, в голосе звучала мольба, но, чего именно прошу, я и сама не понимала. С одной стороны, мне хотелось поскорее получить Якова, а с другой — в глубине души я по-прежнему не до конца верила, что всё происходящее реально. И что оно правильно с учётом его сегодняшнего рассказа.

— Сейчас, Поль, сейчас... — говорил он, продолжая раздевать меня и раздеваться сам. Снял свитер, под которым оказалась рубашка — её стащил через голову, чтобы не тратить время на пуговицы. И как не порвал только?

Потом настала очередь моих штанов, которые быстро оказались на полу вместе с трусами, затем Яков расстегнул и отбросил в сторону лифчик — и я охнула, когда Нестеров начал целовать мою грудь. Накрыл ртом сначала один сосок, потом второй, перекатывая во рту, как конфету, — и возбуждение стало запредельным.

— Яш! — вновь всхлипнула я, и он застонал, не выпуская изо рта мою грудь, будто никак не мог оторваться. Сжал ладонью второй холмик, слегка укусив меня за сосок, из-за чего я задрожала, чувствуя, что ещё немного — и я позорно свалюсь на пол от слабости. Ноги почти не держали.

Яков всё-таки выпрямился, явно с трудом оторвавшись от

моей груди, и приник к губам. Я зажмурилась, прижавшись к нему всем телом, наслаждаясь яркими и острыми эмоциями от глубокого и требовательного поцелуя. А движения пальцев Нестерова, которыми он продолжал ласкать мою грудь, только добавляли удовольствия.

— Давай сзади, Поль? — выдохнул Яша, на секунду прекратив поцелуй, и чуть сильнее сжал пальцы, из-за чего у меня под веками будто начали взрываться сверхновые звёзды. — Повернёшься?

— Да, — ответила я, почти не соображая, о чём он говорит. Но Яков помог мне развернуться, нажал на поясницу ладонью, побуждая наклониться — и я послушно упёрлась локтями в диван, коснувшись его шершавой поверхности влажными и до предела вытянутыми, возбуждёнными сосками, из-за чего вздрогнула и закусила губу — настолько это оказалось остро и необычно.

Я услышала бряцанье ремня, шелест ткани — это Яков быстро снял оставшуюся между нами единственной преградой — свои джинсы. Затем я почувствовала его руки на своих ягодицах — он придвинул меня чуть ближе, коснулся пальцами входа и обвёл его по кругу, растирая влагу.

— Ох, какая... — прошептал с восхищением, заходя в меня одним плавным движением, но сразу до конца — так, что я несколько мгновений не могла говорить, чувствуя себя заполненной до отказа. Яков помедлил пару секунд, покачиваясь и растягивая меня изнутри, касаясь настолько глубо-

ко, что каждое его движение вызывало у меня волну жара и сладких судорог, а затем вышел.

Второй раз он зашёл гораздо резче и злее, схватив меня за бёдра почти агрессивно, и задвигался на максимальной скорости, с каждым движением стремясь быть как можно глубже. Он будто специально разгонялся, когда выходил, чтобы затем биться об меня, словно мечтая пронзить насквозь. Никакой нежности — чистая похоть и... обида, конечно.

Я понимала это, не сопротивляясь, да и не хотела я сопротивляться — мне было безумно хорошо, несмотря на понимание, что этим сумасшедшим сексом Яша сейчас мстит своей жене. Скорее всего, неосознанно, но тем не менее.

Я потеряла счёт своим оргазмам очень быстро — почему-то почти каждый раз, когда Яков таранил моё тело на максимальной глубине, на грани между болью и удовольствием я ощущала безумную эйфорию. Стонала, всхлипывала, вскрикивала — и в какой-то момент почувствовала, что больше не могу стоять. Я почти рухнула грудью на диван, ноги подкосились, и Яков подхватил меня, удерживая на месте и не собираясь покидать моё тело, что-то прорычал, вбиваясь как одержимый... и наконец освободился сам, протяжно и громко простонав моё имя.

Полина

— Я просто кусок дебила, — прошептал Яков через минуту после случившегося между нами. Мы всё так же лежали в очень своеобразной позе — я грудью на диване, ноги свесились вниз, а Яков придавливал меня сверху. — Прости, Поль.

— Вообще-то мне понравилось, — честно призналась я, и Нестеров вздохнул.

— Это единственное, что утешает, потому что у меня есть ощущение, что я тебя почти изнасиловал.

— Насилие — это когда против воли, — возразила я слабым голосом. — А я сама хотела. Правда, я не ожидала, что ты... хм...

— Что я тебя просто трахну, как резиновую куклу, — недовольно пробормотал Яша, поднимаясь сам и помогая мне подняться. — Давай будем называть вещи своими именами.

Я хотела ответить, но не смогла — у меня неожиданно свело ноги, под кожей начали расползаться иголки, и я запричитала, переминаясь со ступни на ступню:

— Ой, ой, ой...

— Что? — перепугался Яков. Метнулся в сторону, щёлк-

нул выключателем, засветив торшер, что стоял рядом с диваном, и вернулся ко мне, придерживал за плечи. — Что случилось, Поля, где болит? Я тебе что-то повредил?

— Не ты, — простонала я, продолжая маршировать на одном месте. — Ноги затекли! Долго в одной позе... ещё и такой своеобразной...

— Прости! — повторил Нестеров с искренним сожалением, и я стукнула его ладонью по плечу.

— Перестань извиняться, иначе я подумаю, что тебе не понравилось!

— С ума сошла? — слегка растерянно улыбнулся Яша. — Да это был лучший секс в моей жизни.

— Не верю!

— Почему? — он удивился. — Я правду говорю. Очень мощно всё получилось. Я хочу ещё, честно говоря, но с этим придётся повременить. И обещаю, что в следующий раз буду нежнее. Как дикарь какой-то...

Яков явно досадовал на своё поведение, и я решила, что не буду объяснять ему, отчего всё так получилось. Зачем? Он сам наверняка понимает, что просто перенервничал за последние недели. В нём накопилось прилично обид и агрессии, которые никак не могли найти выхода. И вот — нашли. Ну и хорошо, что нашли! Держать в себе всякую гадость вредно для здоровья.

— Пойдём примем душ? Кстати... — Яков улыбнулся, посмотрев на электронные часы у себя на запястье. — Пять

минут первого. Мы Новый год проворонили.

— Это что же получается... — протянула я, шутливо изогнув брови. — Раз Новый год мы встретили, занимаясь сам знаешь чем...

— Значит, мы сделаем это ещё много раз, — засмеялся Яков. — Весь год будем делать. Не избавишься ты от меня теперь, Поля!

Я растерянно улыбнулась. Я почему-то не поверила ему. Хотя в тот момент Яша, скорее всего, искренне верил в то, что говорил.

Но жизнь часто идёт в разрез с нашими намерениями, к сожалению или к счастью.

И тогда мы ещё не знали, что у нас будет только эта ночь — и больше ничего.

Полина

Стоит мне зажмуриться, как я вспоминаю дальнейшие события в малейших подробностях. Словно всё случилось только вчера или даже пару часов назад.

Я помню его глаза, тёмные и ласковые, полные откровенного обожания. Яков смотрел на меня с трепетом, с восхищением, как на чудо, — никто и никогда из мужчин не смотрел на меня так, и вряд ли посмотрит.

Помню, как нежность в его глазах сменялась желанием, как он сдерживался, как стонал, помню ощущение его рук на моей коже. Помню, что чувствовала, когда Яков был во мне — много раз за ночь.

Он сдержал слово и в дальнейшем был намного трепетнее. И когда мы, принимая вместе душ, не выдержали и вновь начали ласкать друг друга, и позже, когда быстро выпили чаю с печеньем и отправились спать, Яков был удивительно нежен. И эта нежность действовала на меня ничуть не менее возбуждающе, чем его первоначальная грубость.

Мне нравилось в Якове абсолютно всё. И ласковость, и резкость, и то, как он хрипло и страстно шептал мне на ухо жуткие пошлости — это было мило и забавно и здорово повышало мою самооценку. Я ведь даже не осознавала до кон-

ца, что после развода с мужем искренне считаю себя никчёмной и несимпатичной. Но теперь это предубеждение растаяло, растворилось, как что-то лишнее и ненужное, — потому что невозможно думать так, глядя в глаза мужчине, который смотрит на тебя с вожделением и восторгом.

Мы уснули, сжимая друг друга в объятиях. Не помню, в котором часу это было, но уже начинало светать. Утомлённые, разгорячённые, счастливые...

— Поль, — прошептал Яша, касаясь губами моей щеки, вызывая сонную улыбку, — я хочу быть с тобой. Не только в эту ночь... Я хочу попробовать отношения. А ты?

— И я хочу, — ответила я честно и призналась, открывая глаза, чтобы поймать его чуткий и внимательный взгляд: — Мне кажется, я в тебя сегодня влюбилась. Ты мне и раньше нравился, но я не рассматривала тебя... в таком ключе. А теперь вдруг рассмотрела... и мне по душе то, что я вижу.

— Полечка... — Яков явно был растроган, поцеловал меня в улыбающиеся губы и признался: — Я чувствую то же самое. Последнее время я словно был болен, а сегодня вылез. И это всё ты, моя хорошая. Скажи... — в его голосе вдруг появилась неуверенность, — я могу жить с тобой или нам лучше не торопиться? Всё будет, как ты скажешь.

Я замерла от неожиданности, чувствуя искрящуюся радость, почти ликование.

Яков хочет жить со мной!

— Конечно, переезжай.

До сих пор помню, насколько счастливо он улыбнулся. Обнял меня крепко-крепко, вновь поцеловал и прошептал на ухо:

— Спасибо. Завтра навещу сына, а потом соберу вещи и приеду к тебе.

Засыпала я с улыбкой на лице, ещё не ведая, что ничего из наших чаяний не сбудется.

До переломного момента оставалось меньше суток.

Полина

Мы проснулись от пронзительной мелодии мобильного телефона. Она ввинтилась в мой мозг, как гвоздь в стену, заставила поморщиться... и вспомнить всё, что случилось совсем недавно.

Впрочем, на быстрое пробуждение повлиял не только телефон Якова, но и тот факт, что я почувствовала под своей головой горячее мужское тело. Я лежала щекой на плече Нестерова, он крепко обнимал меня, легко поглаживая по спине, и было так приятно, что я невольно улыбнулась, предвкушая будущий день.

— Доброе утро, Поля, — сказал Яша, заметив, что я проснулась. — Уже почти девять, я обычно не встаю настолько поздно, а с тобой задрых так мощно, что и не проснулся бы, если бы не телефон.

— А кто звонил?

— Не знаю. Я же тут, с тобой лежу. А телефон неизвестно где. Точнее, я думаю, он остался в кармане джинсов, а джинсы где-то на полу.

— Наверное, надо перезвонить? — поинтересовалась я, приподнимаясь и заглядывая Якову в глаза. Он лукаво улыбнулся, тоже приподнимаясь, и потёрся своим носом о мой.

— Надо. Но потом. Я подозреваю, кто это, и пусть мне испортят настроение попозже. А сейчас...

Я негромко взвизгнула, когда Яша повалил меня обратно на постель, взял мои ноги, задрал их повыше и в то же время разводя в сторону, оставляя меня беззащитно открытой, посмотрел вниз...

Я почувствовала волну смущения — потому что накануне Яков не рассматривал меня до такой степени пристально. Точнее, он вообще не рассматривал — мы другими делами занимались, не сосредоточиваясь на разглядываниях.

— Красивая, — прошептал он, когда я уже была готова непроизвольно прикрыться руками. — Моя Полечка.

Яков накрыл меня собой, продолжая держать мои ноги согнутыми, и я охнула от остроты ощущений, особенно когда он начал толкаться на глубине, почти не выходя из меня, каждый раз задевая какую-то особенно приятную и чувствительную точку, которая рассылала по телу разряды удовольствия и неги.

Вновь зазвонил телефон, но мы не обратили на него никакого внимания, занятые друг другом. Яков отпустил мои ноги, и я обвила ими его тело, прижимая к себе как можно крепче, он же буквально упал на меня, целуя как сумасшедший и двигая бёдрами настолько быстро и резко, что я уже ничего не соображала. И не стонать просто не могла — жалобные звуки вылетали из моего рта самопроизвольно, без участия сознания. Единственное, что было понятно из мо-

его невнятного бормотания, — это слово «ещё». Вот его я повторяла с завидной регулярностью, всхлипывая и хныкая, пока Яков любил меня.

Последнее движение — самое сильное, быстрое и мощное, и я затряслась в сладкой судороге, вторя Якову, который почти рычал мне в губы, оставаясь глубоко внутри. В тот момент я словно взлетела в самое небо и рассыпалась миллионом маленьких звёздочек, став крошечной частицей яркого и вечного света.

Яша всё никак не мог перестать дрожать, будто его тоже поразило случившееся между нами, и в тот момент я, обнимая его, подумала: неужели так теперь будет всегда? Ну хорошо, не всегда, но долгое время. Мы будем засыпать и просыпаться вместе, заниматься любовью... Неужели так будет?

Я не верила. Мне казалось, что у кого угодно может быть хорошо, только не у меня.

Возможно, это неверие и спасло меня в дальнейшем от отчаяния.

Неверие... и Иришка.

Полина

На третий — или это был четвёртый? — звонок телефона Яков всё же ответил. С видимой неохотой поднялся с постели, на которой мы увлечённо целовались, не в силах оторваться друг от друга, нашёл мобильник где-то на полу, вновь лёг рядом и нажал зелёную трубку.

Перед этим я успела увидеть на экране имя «Ксения» — впрочем, я и так понимала, кто трезвонит Нестерову с утра пораньше. И да, я чувствовала небольшие угрызения совести. Небольшие — потому что, несмотря на женатый статус Якова, в глубине души я всё-таки считала его практически разведённым. Не думала я, что он может остаться с женой после того, что она сделала... и что сделал он сам, проведя ночь и утро со мной.

— Алло.

Яша не включал громкую связь, но ответы его жены были слышны просто отлично, динамик работал прекрасно. Жалобные и приторные ответы.

— Яш, ты где? — Голос Оксаны звучал грустно и несчастно. — Тебя Ваня очень ждёт. Ты же обещал приехать...

— Ксень, девять утра, — спокойно и разумно ответил Яков. За всё время нашего знакомства я ни разу не слышала,

чтобы он повышал голос, и тот день не стал исключением. — Сейчас встану, умоюсь, поем и поеду. Ваню я предупреждал, что буду ближе к...

Оксана не дала ему договорить.

— Яш, пожалуйста, — всхлипнула она, перебив мужа. — Мы тебя ждём, я завтрак приготовила...

Судя по лицу Нестерова, он был в шоке.

— Какой ещё завтрак?

— Обычный... Думала, раз ты вчера не приехал, то мы хотя бы сегодня проведём хороший день. Яш, ну хватит! — умоляюще протянула женщина. — Сын ходит как в воду опущенный, его бы пожалел.

Даже мне стало неловко от подобных откровенных манипуляций. Яков и вовсе побагровел, крепче прижав меня к себе свободной рукой.

— Ксень, я позже приеду, как и обещал, — процедил он, закрыв глаза и зарываясь носом в мои волосы, будто я была его персональным успокоительным средством. — Но я приеду к Ваньке, а не к тебе. И заранее хочу озвучить, что собираюсь подавать на развод. Я подумал и...

— Я не согласна! — выпалила Оксана с неожиданной агрессией, на пару мгновений выбившись из образа раскаявшейся грешницы, и Яша огрызнулся, всё-таки немного вспылив:

— Я тебя не спрашиваю! И суд не спросит. Разведут и без согласия!

В трубке повисло молчание.

В те мгновения я даже немного сочувствовала Оксане, несмотря на то, что совсем её не понимала. В моей голове та Оксана, о которой с любовью говорил Яков, не сочеталась с этой, которая явно впутывала в их отношения собственного сына. А перед этим два года обманывала мужа, встречаясь с однокурсником. Ради чего? Просто ради развлечения?

Но какое развлечение может быть в обмане и лжи...

— Поговорим, когда приедешь, — сказала Оксана в конце концов в прежнем обманчиво ласковом и мягком тоне. — У меня есть что тебе сообщить. Жду.

И бросила трубку.

Полина

Несколько минут после этого разговора Яков просто лежал, поглаживая меня по плечу и глядя в потолок, будто надеялся что-то там прочесть. И мне не нужны были слова, чтобы понять — жена действительно умудрилась испортить ему настроение этим кратким диалогом.

Я могла бы сказать, как она удивляет меня своим поведением — потому что, на мой взгляд, после своего предательства Оксана была не вправе чего-то требовать от Якова, тем более откровенно манипулировать, упоминая реакцию сына. В конце концов, именно она когда-то не подумала о том, какково будет Ване, а вовсе не Яков.

Да, я могла бы всё это сказать — но не стала, понимая, что мои слова не будут утешением, только расстроят Яшу ещё сильнее. А я не желала его расстраивать.

— Мне так жаль Ваню, — сказал в конце концов Нестеров, тяжело вздохнув. — Я уверен, Ксения не захочет расстаться спокойно и мирно, затеет скандал, и она обязательно использует сына в качестве последнего аргумента. И если бы только это... Наверняка ещё и говорить ему что-то будет против меня.

Я не знала, что ответить, понимая, что да — такое вполне

ВОЗМОЖНО.

— У меня есть друзья, которые разводились, — продолжал Яков, — и у каждого своя история. Кто-то тихо расхотелся, сохраняя нормальные отношения. У кого-то скандалы, делёжка имущества... Я всегда думал: как же хорошо, что мне повезло с женой. Как же замечательно, что мне никогда не придётся переживать ничего подобного. И вот — пожалуйста.

— Ты не виноват, Яш.

— Не знаю, — проворчал он, поцеловав меня в висок. — Может быть, в чём-то и виноват. По крайней мере, Ксения, когда всё вскрылось, засыпала меня упрёками. Мол, я ей мало времени уделяю, подарков почти не дарю, свиданий романтических не устраиваю, на работе пропадаю, а там ещё и коллектив женский. Она даже всерьёз мне заявила... Боже, аж повторять стыдно...

— Что? — всполошилась я, приподнявшись и посмотрев Якову в глаза. Они были удивительно горькими сейчас.

— Ксения сказала, что не верит в мою верность, — пробормотал Нестеров сквозь зубы. И столько в его голосе было обиды — неподдельной, искренней обиды человека, который был честен, но в его честность, оказывается, не верили. — Заявила, что невозможно остаться верным, работая среди такого количества — извини, Поля, — баб. Я в тот момент так офигел, что даже не нашёлся с ответом.

— Она судит по себе, понимаешь? Твоя жена, попав в ин-

ститут, в окружение парней, видимо, сразу «поплыла». Скорее всего, потому и на измену решилась легко, что думала: ты такой же. Надо же...

— Что — надо же? — не понял Яков, и я пояснила, улыбнувшись и покачав головой:

— Надо же, она совсем тебя не знает. Знает дольше, чем я, но не знает. Как так?

— Не знаю, — вздохнул Нестеров и сел на постели. — Я уже ничего не знаю, кроме одного: я хочу развестись. Давай вставать? Есть хочется.

— А потом ты к Ване поедешь?

Меня кольнуло печалью, но я старалась выглядеть бодро, понимая — если я хочу быть с Яковым, должна смириться с его отлучками к сыну. Он же с Оксаной разводится, а не с Ваней.

— Да, Поль. Но я вернусь вечером. — Яша ободряюще улыбнулся мне, приобнимая за плечи. — Вернусь, обещаю тебе.

Если бы я только знала!

Полина

Яков уехал примерно через два часа. Он и так задержался, потому что никак не мог оторваться от меня. Нет, мы больше не занимались сексом, только завтракали, сидели в обнимку и разговаривали обо всём на свете. Строили планы на новогодние каникулы, наивные...

Зацеловав меня напоследок до умопомрачения, Яков уехал, а я решила убратся в квартире и что-нибудь приготовить, дабы не сходить с ума от безделья. Делами весь день до самого вечера и занималась. Якову не писала, чтобы не отвлекать.

К его предполагаемому приходу у меня всё было готово. В холодильнике ждал салат оливье, в духовке томилось вкуснейшее мясо по рецепту моей мамы, в кресле, завёрнутая в одеяло, стояла кастрюля с картофельным пюре. Я и шампанское купила, решив, что нам не повредит встретить Новый год так, как его встречают другие люди.

А ещё я приготовила Яше небольшой подарок. Так, ерунда — всего лишь новая книга автора, который ему нравился, но издавался не в «Гутенберге», а у конкурентов. Я приобрела её для себя и прочитать пока не успела, книга была новой. Сегодня в разговоре Яков упомянул, что ещё не успел

её купить, и я решила — отличный будет подарок.

Около восьми часов вечера я начала беспокоиться и уже взяла телефон в руку, чтобы написать Якову, спросить, когда он вернётся, — и тут мобильник зазвенел мелодией пришедшего в мессенджер сообщения.

«Поль, прости, я сегодня не приеду, — писал Яков, и у меня, когда я это прочитала, будто разом помертвели все внутренние органы. — Выяснились неожиданные обстоятельства. Надо кое-что проверить, но на это нужно время. Когда я всё выясню, напишу».

Я ничего не поняла, кроме одного — по-видимому, Оксана нашла какие-то слова, чтобы удержать Яшу возле себя. Какие я не представляла.

И просто кратко ответила:

«Хорошо».

Всё приготовленное есть я не стала, выбросила. Что-то даже остыть ещё не успело...

Полина

Дни тянулись, как жевательная резинка. Я работала, бесконечно работала, набрав внештатку, старалась не думать, не рассуждать и почти не вспоминать.

Нестеров не писал. Я ждала, когда же он решит сообщить мне хотя бы что-то, но он молчал, а я не спрашивала. Я верила, что Яша не стал бы отмалчиваться, если бы не столкнулся с чем-то действительно серьёзным, но мне не было от этого легче. Хотелось, чтобы всё поскорее разрешилось... Поскорее бы он приехал!

Однако прежде, чем мы с Яковым в последний раз поговорили, со мной случилось ещё кое-что.

В середине января я всё-таки начала злиться на Нестерова за молчание. Он написал «нужно кое-что проверить», но неужели эта самая проверка способна занимать настолько долгое время?! Я не понимала, что происходит, и вдруг подумала: а может, он просто использовал меня? Расслабился в приятной компании, а затем вернулся к жене. И поскольку они теперь квиты, решил остаться с ней.

Нет, я в это не верила. Яша не такой человек. К тому же зачем тогда писать про «кое-что проверить» и молчать больше двух недель? Можно было бы сразу сообщить: решил вер-

нуться к жене, извини, мол, так получилось. Он же знает меня, я бы не стала возмущаться, просто смирилась бы — и всё. Что-то тут всё-таки нечисто...

...Однажды утром я проснулась от отчётливой тошноты. Сначала решила, что отравилась, пошла к врачу, и та, выслушав мои жалобы на постоянную мусть и головокружение, первым делом поинтересовалась, делала ли я тест на беременность.

— Я не могу забеременеть, — удивилась я подобному предложению. — Это просто невозможно!

— На свете нет ничего невозможного, — отмахнулась терапевт. — Сделайте тест, и если будет отрицательный, приходите ко мне. А если положительный, то к гинекологу.

Я даже улыбнулась. Ладно, мне не жалко, сделаю тест.

В результате спустя час я в шоке рассматривала четыре теста, не в силах поверить в то, что они мне показывают. Как это — беременна? Я?! Но я не могу быть беременной, я ведь так и не сделала операцию!

Моя гинеколог, которой я тут же позвонила и сообщила о результате, только хмыкнула в ответ на моё искреннее удивление:

— Полина, ваши яичники действительно почти не функционируют самостоятельно. Но в нашем деле нет ничего абсолютного. Знаете, как говорят — раз в год и палка стреляет. Я нервно хихикнула.

— Радуйтесь, в общем. И приходите на приём срочно! Не затягивайте.

Я обещала прийти как можно скорее, что и сделала, явившись к своему врачу на следующий же день. И уже получив многочисленные рекомендации и назначения, решила сообщить Якову.

Написать ему я не успела — он написал сам, словно почувствовав мои намерения. Предложил встретиться в кафе недалеко от моей работы, в пятницу после окончания рабочего дня. Сообщил, что нам необходимо поговорить.

Я согласилась.

Полина

Надеялась ли я на что-нибудь, направляясь на встречу с Яшей в тот день? Не знаю. Неожиданно случившаяся беременность временно отодвинула в сторону все прочие беспокойства, и всё, о чём я могла думать, — как бы сохранить своё неожиданное чудо. Я даже теперь везде носила с собой ту маленькую сферу из красной яшмы, которую приобрела на ярмарке перед тем, как столкнуться с Нестеровым, — просто на всякий случай. Я не слишком верила в её чудотворные свойства, но считала, что лучше не рисковать.

А в изголовье кровати я поставила снежный шар...

Пожалуй, я всё-таки нервничала. Совсем немного. И в глубине души понимала — если Яков не вернулся ко мне сразу, первого января, как и обещал, значит, скорее всего, и не вернётся. Нет, я больше не думала о том, что он мог меня использовать — это было бы глупо, — просто считала, что обстоятельства изменились. Но, как именно они изменились, мне лишь предстояло узнать.

В ту пятницу я работала в офисе. В отличие от «Гутенберга», где редакторы пропадали в офисе все пять рабочих дней, на моём нынешнем месте я появлялась три раза в неделю — два дня могла сидеть дома. Не отдыхать, конечно — рабо-

тать. И как же мне это пригодилось во время беременности! Впрочем, в офисе я вообще долго не продержалась — моя начальница, устав смотреть на мой вечный токсикоз, разрешила мне — через пару недель после того рокового разговора с Яковом — работать из дома.

Да, тошнота была моим вечным спутником первые три месяца, но в вечер встречи с Нестеровым она неожиданно отступила, оставив после себя лишь жуткий голод и сонливость. Поэтому, пользуясь тем, что Яков опаздывал, о чём он меня предупредил, я от души налопалась. Греческий салат, борщ, бефстроганов с картофельным пюре... Как же хорошо, когда не тошнит!

Яков сел напротив, когда я уже уныло ковыряла десерт — яблочную шарлотку, понимая, что не смогу её съесть. Внутри осталось место лишь для чая, и только.

Но мне резко стало не до шарлотки, как только я увидела Нестерова.

Он выглядел как человек, пришедший с похорон. Даже его тёмно-синее пальто, никогда не казавшееся мне траурным, смотрелось кусочком чёрной грозовой тучи, из которой кто-то предприимчивый решил сделать ткань, чтобы потом шить верхнюю одежду. Запавшие глаза с кругами под ними — будто Яков бог знает сколько времени вообще не спал, — не добрые, мягкие и искрящиеся, как обычно, а несчастные, грустные, потухшие.

И похудел он... очень сильно. Нестеров в принципе не был

толстым, но в тот день впервые показался мне похожим на Кощея Бессмертного.

Настолько, что я выпалила, едва лишь Яков сел:

— Что с тобой?

Он болезненно усмехнулся, потом поморщился, хотел что-то ответить, но не успел — подбежала официантка.

— Кофе, — кратко сказал Яков. — Обычный, чёрный, без сахара.

Я едва не закашлялась. Чёрный кофе без сахара?!

— Ты же не любишь такой кофе, — пробормотала я, пристально разглядывая мрачное лицо Нестерова. — Я помню...

— Да, мерзкий напиток, — кивнул Яша, не отводя от меня взгляда. Прямого, жадного, но какого-то безнадёжного. — Самое то для сегодняшнего вечера.

— Настолько не хотелось видиться со мной?

— Наоборот, — качнул головой Нестеров. — Я хочу не только видеть тебя, я хочу быть с тобой, Полин. Но не могу. И я должен честно рассказать тебе почему. Ты заслуживаешь правды.

Сердце кольнуло, и я непроизвольно положила руку... нет, не на грудь — на живот.

Я всё переживу. Что бы он ни сказал. Главное — не нервничать. Надо сохранить беременность, во что бы то ни стало сохранить. А значит, мне нужно отстраниться от всего, что сейчас поведает Яша.

Давай, Полина. Представь, что ты просто книгу читаешь или фильм смотришь. И не думай, ни в коем случае не думай о том, как любишь его. Как хочешь обнять. Как мечтаешь прогнать с его лица всю мрачность, чтобы глаза вновь засияли, а губы улыбались.

Увы, некоторые наши мечты никогда не сбываются.

Полина

— В тот день, когда мы с тобой встретились, я был честен. Я рассказал тебе правду, Поль, — произнёс Яков, глядя мне в глаза. Я никогда и ни у кого не видела такого взгляда, как у него в тот день, — это был не взгляд, а словно открытая рана, из которой вот-вот хлынет горячая кровь. — Я не обманывал. Да, я понимаю, что ты, наверное, как-то так подумала, когда я не пришёл к тебе первого января, не вернулся, хотя обещал. Подумала ведь?

— Не сразу, — ответила я негромко, поглаживая себя по животу под столом. Не нервничать, не думать... Что бы ни услышала — не переживать. — Но подумала, да.

— Я не мог вернуться, — продолжал Яков будто бы с усилием. — Не мог, потому что...

Ему пришлось прерваться — официантка принесла кофе. Когда она ушла, Нестеров сделал большой глоток из чашки, поморщился, будто выпил яд, и вновь заговорил:

— Оксана сообщила мне о своей беременности.

Несмотря на то, что я изо всех сил старалась абстрагироваться от рассказа, не охнуть у меня не получилось.

— От любовника?

— Она не знала, — криво усмехнулся Яков. — На тот мо-

мент не знала. Но подозревала, что ребёнок мой, поскольку... «Мы с ним чаще просто гуляли, чем трахались». Чудесная фраза, на мой взгляд. В общем, она много всего заявила мне в тот день, но главным стал упрёк, что я, уйдя от неё, брошу не одного, а двоих детей. И я тогда, разозлившись, пообещал, что не уйду, пока не узнаю, моего ребёнка она носит или нет. И если не моего, развод будет, а если моего, то я дам нашей семье ещё один шанс. Я был в горячке, Поль, кроме того, я был уверен, что ребёнок Ксени не мой.

— А он оказался твоим... — понимающе протянула я и едва не рассмеялась. Боже, какая ирония! Я ведь тоже собиралась сказать сегодня Якову про свою беременность. Но что он почувствует, узнав, что ему придётся выбирать не только между женщинами, но и между детьми?

Да такого и врагу не пожелаешь. А Яша мне не враг.

— Моим, — подтвердил Нестеров, кивнув. — Все эти дни мы ждали результаты из двух лабораторий, они одинаковые. Я — отец.

«Многодетный», — подумала я с горечью, но вслух ничего не сказала.

— Если бы я мог забрать то своё обещание! — процедил Яков, сжимая кулаки и поднимая глаза к потолку, словно пытался справиться со слезами. — Впрочем, я не уверен, что ушёл бы и в таком случае. У Ксени очень тяжёлая беременность. Постоянная слабость, каждое утро тошнит, один раз даже в обморок падала. Я сегодня первый день вышел на ра-

боту, Поль, потому что Ксеню положили в больницу на сохранение. Она переживает, мне даже врач сказал, что это может быть из-за наших конфликтов... — Яша тяжело вздохнул, потерев ладонями глаза, как человек, который давно не высыпался. — Ванька тоже ходит сам не свой, почти не ест и каждый день просит меня простить маму. Это какой-то кошмар, Поль... А я ведь уже успел привыкнуть к мысли, что мне придётся оставить Ваню и видеться с ним не каждый день, но бросать второго малыша с первого же дня его жизни... — Яков покачал головой, закрывая глаза. — Я не могу так. Прости, Поль.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять всё увеличивающуюся боль в груди. Она разгоралась, как пламя; разрасталась, словно корни растения, расползалась по всему телу, оседая спазмом внизу живота и пульсацией в висках.

Дыши, Полина. Дыши. Ничего страшного не произошло. Ты справишься.

А Яков... Ну, он ведь и не был твоим никогда, кроме той ночи. Переживёшь.

Кроме того, у тебя теперь есть собственное сокровище... Чудо, о котором Яков не узнает.

— Тебе не за что извиняться, Яш, — ответила я и даже улыбнулась, пусть и слабо. — Ты поступил как честный человек, выбрав жену и двоих детей, а не случайную встречу и жаркую ночь. Это правильно.

— Я не считаю тебя чем-то незначимым, — горячо возра-

зил Яков и попытался взять меня за руку, но я убрала со стола свободную ладонь — и точно так же прижала её к животу в попытке защититься от боли свою крошку. — Прости, что так долго молчал, но я просто не знал, что написать. У меня не было времени даже толком подумать и подобрать слова, Ксения взяла меня в оборот буквально с порога, мы только и делали, что ездили по врачам и лабораториям. Последние недели я чувствую себя разорванным клочком бумаги, Польша. На одном куске — мой долг перед детьми, на другом — ты. Я вертел так и эдак, но не представляю, что могу сделать, чтобы перестать терзаться. Стоит ли моё личное счастье того, чтобы бросать Ваню и нерождённого ребёнка?

— И Оксане ещё.

— Вот уж кого я не хочу видеть, так это её, — скривился Яков. — Но, если я принял решение остаться с детьми, должен как-то постараться простить жену. Наладить отношения... Не знаю, как я стану это делать, пока меня от неё тошнит. Но, может, со временем... Я ведь очень любил её когда-то. Да что там — я любил её совсем недавно, всего месяц назад жизни без неё не представлял. А сейчас...

— Это пройдёт, — сказала я то, что должна была сказать — хотя, на самом деле, вовсе в это не верила. — Непременно пройдёт. Если она больше не будет косячить, конечно.

— Она обещала, что не будет, — вздохнул Яков. Мне показалось, что он тоже не слишком верит словам жены. Но, возможно, я выдавала желаемое за действительное — Окса-

на была мне неприятна. — Поль...

— Не надо, — я махнула рукой, качнув головой. — Всё в порядке. Я желаю тебе счастья, Яш, и не обижаюсь ни на что. Только одна просьба у меня будет... Можешь не рассказывать своей жене о...

— Не расскажу, — перебил меня Яков решительно. — Ни за что не расскажу. Мне, если честно, плевать на её чувства в данном случае... Просто случившееся принадлежит только мне и тебе. Это наше, Поль — нашим и останется.

Я с облегчением выдохнула, хотела уже подняться из-за стола, когда вдруг подумала...

Яша не узнает о нашем ребёнке, да. Но кое-что он может сделать... прямо сейчас.

— А ты уже думал об имени? Как назовёшь, если родится мальчик? А если девочка?

Нестеров, кажется, слегка удивился — его взгляд стал озадаченным, он явно не понимал, почему я спросила именно это. Ведь у нас тут совместная жизнь рушится, а я про имя для ребёнка.

— Не знаю... Хотя... Пожалуй, девочку я бы назвал Ириной. Иришкой. Мне всегда нравилось это имя. А вот насчёт мальчика пока совсем не думал.

— Ирина Яковлевна... — произнесла я — и мне почудилось, будто внизу живота что-то зашекетало, хотя, конечно, этого не могло быть. Рано. — Да, красиво, согласна.

Вот так и получилось, что Яков, не зная о существовании

дочери, сам дал ей имя.

Полина

После того как в тот день я, скомканно попрощавшись, ушла, так и не съев свою шарлотку и не допив чай, мы с Яковом больше не общались.

Я не блокировала его номер, он у меня был, и в любой момент я могла позвонить или написать, но просто не делала этого. Я не желала мучить Яшу выбором, очень боялась, что он узнает про мою беременность, поэтому не разговаривала не только с ним — я избегала и наших общих знакомых. Всем, кто мог ненароком разболтать Нестерову о моём положении, я ничего не говорила. Сказала гораздо позже, когда Иришка уже родилась, не конкретизируя её возраст и нагоняя тумана на своё семейное положение. Если даже дойдёт до Якова, он подумает, что я забеременела от кого-то другого. Тот факт, что Иришка родилась раньше срока, в конце августа, на тридцать четвёртой неделе, сыграл мне на руку: моя девочка была мелкой, поэтому я всегда в разговоре с коллегами немного уменьшала её возраст. Например, когда Иришке исполнилось два года, я спокойно говорила, что ей полтора.

Не знаю, помогло это или нет, — так или иначе, но Яков за прошедшие годы ни разу не интересовался моим жи-

тём-бытьём. А я на всякий случай даже Иришкиных фотографий никому не показывала — уж слишком она походила на Нестерова. Ну просто одно лицо! Я-то светловолосая и голубоглазая, а девочка у меня тёмненькая, с такими же янтарными глазами, как у Якова. Не знаю, возможно, никто бы и не догадался — мало ли похожих людей на свете? — но я предпочитала не рисковать.

Я и сама знала про Якова совсем немного. Знала, что он так и не развёлся с Оксаной. Знала, что у них родился сын, которого они называли Павлом, — как и Иришка, он появился на свет в конце августа. Знала, что Яков так и продолжает работать в «Гутенберге», но в должности ещё подросток, причём сильно — теперь Нестеров заведовал в издательстве всей художественной литературой для взрослых.

Я была за него рада. Мне самой такие успехи и не снились. Я продолжала работать всё там же, где работала, когда забеременела, но перешла на постоянный внештат, плюс набирала много «халтуры» — цены-то росли, а мне нужно было обеспечивать и Иришку, и себя, и маму, которая ушла на пенсию почти сразу после того, как родилась моя дочь. Спасибо ей за это — она очень помогала, освобождая мне время для работы, но денег, увы, вечно не хватало.

Тяжело быть матерью-одиночкой, и да — иногда мне было настолько трудно, что я невольно думала: может, всё-таки сообщить Якову? Он же не подлец, будет помогать. Но потом я представляла, как об этом узнает его жена, только недавно

начавшие подживать раны почти убитых отношений снова откроются — и наверняка так и не смогут зарости. По крайней мере, я бы не простила мужу ребёнка на стороне. Да, они с Оксаной на тот момент были в ссоре, но ещё не развелись ведь! Он должен был сдержаться. Да что там говорить — и я должна была сдержаться. Но как уж вышло...

Поэтому я и не писала ничего Якову все эти годы. Растила Иришку сама, надеялась лишь на себя.

И только иногда, глядя в её глаза цвета тёмного янтаря, думала...

Прости меня, дочка. Прости, что лишила тебя папы.

И ты, Яков, прости. Прости за то, что отняла право на выбор, но так ведь было лучше, чем уничтожать тебя ещё и новостью про свою беременность. Чтобы ты мучился, разрывался, сомневался в своём решении, чтобы жена, узнав обо всём, принялась тебя ненавидеть. Нет-нет, я всё правильно сделала. Так было лучше.

Лучше же, да?

Полина

Настоящее время

Есть такая фраза: «Скорее небо упадёт на землю».

Так вот, когда я слышала голос Якова — голос, который я не слышала почти восемь лет и который продолжала отчаянно помнить, — почувствовала себя так, словно небо внезапно упало на землю и от души ударило меня по голове всей своей бесконечностью.

Стояла, смотрела, забыв, как дышать, и совершенно не помня о том, что я вообще-то торопилась...

— Яш! — послышался злой женский голос за моей спиной. — Ты идёшь или нет?!

Яков, сам несколько секунд тарачившийся на меня с шоком человека, увидевшего привидение, на мгновение поднял глаза и раздражённо рявкнул:

— Иду! — А потом, вновь опустив взгляд, произнёс гораздо мягче и очень тихо: — Извини, Поль, у меня сейчас родительское собрание.

«Хоть бы не в Иришкином классе», — с безнадёжностью подумала я, и не надеясь, что мне повезёт. О нет, если уж мироздание решило столкнуть нас с Яковым лбами, оно ни перед чем не остановится. Сталкивать так сталкивать...

— У меня тоже, — ответила я, стараясь казаться невозмутимой, кивнула Якову и пошла прочь. Чуть не врезалась в забор, промахнувшись мимо калитки, но вовремя опомнилась и всё-таки свернула куда надо. Прошла проходную и сразу заметила женщину, которая смотрела за мою спину раздражённым взглядом.

— Опаздываем! — недовольно процедила она, но больше ничего не сказала — развернулась и отправилась к крыльцу через школьный двор, стуча каблучками. А я, шагая за ней и чувствуя себя персонажем из страшного сна, рассматривала спину... своей соперницы? Пожалуй, нет — я не воспринимала Оксану — а это, несомненно, была она — соперницей. Просто жена Якова. Красивая, кстати. Фигуристая, с копной длинных каштановых волос ниже пояса, распущенных и выющихся крупными кольцами. Ярко-алый сарафан, длинные ноги, красные сандалии на низком каблуке — Оксана сейчас мне казалась сгустком агрессии. Наверное, потому что она и правда злилась. Это чувствовалось по её движениям, по походке и даже по тому, что она ни разу не оглянулась на Якова.

Интересно, это случайность — или их отношения так и не улучшились?

Мы вошли в школу, поднялись на второй этаж, где находились начальные классы, нашли нужный кабинет — это оказалось легко, потому что дверь была открыта, а рядом с ней обнаружилась учительница моей Иришки. И не только

Иришки — теперь это было очевидно.

— Здравствуйте! — сказала женщина, вежливо улыбнувшись. — Вы, как я понимаю...

— Мы родители Паши Нестерова, — перебила её Оксана. Наша первая учительница пристально посмотрела на неё, и мне показалось, что я знаю, о чём она думает. Несмотря на то, что внешне женщина осталась спокойной, в её глазах я увидела настороженность: учительница явно поняла, что с родителями Нестерова, по крайней мере с мамой, у неё могут быть проблемы. Если знакомство с учителем люди начинают с перебивания и не трудятся погасить раздражение в голосе, это становится очевидным.

Оксана проскользнула в класс, а вот Яков на мгновение задержался и негромко сказал нашей классной руководительнице извиняющимся тоном:

— Простите мою супругу. Её настроение не имеет отношения к вам, Анна Николаевна.

Точно! Именно так зовут нашу первую учительницу. А я с перепугу совсем забыла.

— Ничего страшного. Проходите. — Она посмотрела на меня, и я поняла, что пора представиться.

— Полина Свешникова.

— Мама Ирины Свешниковой, — кивнула Анна Николаевна. — Что ж, все в сборе. Проходите, и будем начинать.

К сожалению, в тот момент, когда Анна Николаевна говорила «мама Ирины Свешниковой», Яков находился в двер-

ном проёме — он ещё не успел шагнуть в кабинет, поэтому всё слышал. Мгновенно обернулся и смерил меня изумлённым взглядом.

Значит, помнит. Помнит, как я спросила его, какое имя он дал бы своему ребёнку. И то, что он назвал имя Ирина, тоже помнит.

Я не знала, плакать мне или смеяться. Но в любом случае ничего сделать сейчас я не могла — поэтому просто промолчала и проследовала в кабинет, пройдя мимо Якова, застывшего в проёме истуканом.

— Вы можете садиться, — обратилась к нему Анна Николаевна, и только тогда он, встряхнувшись и ещё раз невидяще посмотрев на меня, отошёл к своей недовольной жене.

Полина

Все прошедшие годы не существовало ни дня, когда бы я не вспоминала Якова. В моих мыслях не было никакого негатива — он его не заслуживал, — только сожаление и искреннее желание, чтобы у него всё было хорошо. Чтобы он был счастлив со своей женой. Он ведь выбрал её, а не меня. Да, не зная всех обстоятельств, но тем не менее...

Во время родительского собрания, когда Анна Николаевна рассказывала нам всякие необходимые мелочи, я сидела позади Якова и Оксаны. Не за следующей партой, а в другом ряду и на две парты дальше, но видно их мне было отлично. И увы — на счастливую супружескую пару они не походили совсем.

Я не понимала, почему они вообще пришли вместе. Они не контактировали. Честно, если бы я не знала, что они — муж и жена, подумала бы, что эти люди в принципе не знакомы и просто сидят рядом.

И счастливыми они не выглядели. Оксана казалось раздражённой, Яков — уставшим и замученным, и мне постоянно чудилось, что оба были бы рады сейчас оказаться где-то в другом месте подальше отсюда. И ни разу за прошедший час они не посмотрели друг на друга, не говоря уже о том, чтобы

перемолвиться хотя бы парой слов или обменяться улыбками, как ещё две пришедшие на родительское собрание пары родителей. Вот на контрасте с ними я и оценивала Якова с Оксаной — и да, выводы были неутешительными.

Наверное, мне следовало радоваться, но я никогда не была ни мстительной, ни вредной. Моё желание, чтобы у Якова всё было хорошо, было абсолютным, безо всяких оговорок — и сейчас я огорчалась, понимая, что «хорошо» тут даже и не пахнет.

Оставалась надежда, что это лишь совпадение, что они просто поссорились именно перед родительским собранием, а потом помирятся и всё будет нормально, но я не тешила себя ею. Слишком уж независимой выглядела Оксана, и слишком равнодушно-утомлённым — Яков.

И это заметила не только я. Моя соседка по парте, дождавшись, когда Нестеровы покинут кабинет после завершения собрания, хмыкнула и пробормотала себе под нос:

— Я как будто не на встречу с учителем пришла, а на работу.

— Почему? — не поняла я, решив, что уйду чуть позже, когда Яков и Оксана точно уедут. Сделала вид, будто собираюсь что-то обсудить с Анной Николаевной, как другие родители, которые сейчас задавали ей разные дополнительные вопросы.

— Я адвокат по бракоразводным процессам, — пояснила моя соседка. — А эта парочка, которая только что вы-

шла, выглядит как мои непосредственные клиенты. Разбегутся почти наверняка.

— Может, они просто поссорились перед собранием. — Не знаю почему, но я попыталась защитить Якова и Оксану. — Не успели помириться.

— Нет, тут что-то другое. У меня на таких глаз намётан, увы. — Женщина вздохнула и представилась: — Я Алина, мама Коли Рогова, а вы?

Мы с Алиной в итоге немного разговорились — двум мамам всегда есть что обсудить. Потом я уточнила у Анны Николаевны кое-что насчёт продлёнки и, посмотрев на часы — с момента ухода Якова и Оксаны прошло пятнадцать минут, — решила, что пора. Не торчать же мне тут вечно? Мама и Иришка ждут.

Выйдя из кабинета, я спустилась вниз, прошла через рамку охраны и, оказавшись на крыльце, повела плечами — после прохлады школьных помещений жара на улице казалась удушающей. Ещё и курит кто-то...

Я огляделась и едва не подпрыгнула, заметив справа от себя хмурого Якова с сигаретой в руке.

— Ты что делаешь?!

Полина

Яков не курил. Более того, он всегда терпеть не мог «дымящих» — кривился, если оказывался рядом с курящими. Говорил, что у него от запаха дыма появляется ощущение, будто он испачкался, только не снаружи, а внутри. А внутри-то никак не помыться, что очень раздражает, если не сказать — бесит.

В общем, курящий Яков — это было что-то из разряда фантастики, вроде летающих розовых слонов.

— А на что похоже? — усмехнулся он, по-прежнему держа перед лицом сигарету двумя пальцами. И усмешка тоже была какой-то нетипичной для того Якова, которого я знала много лет назад и по которому скучала каждый день.

Мой отец ушёл рано, скончавшись от тяжёлой формы рака лёгких — и у него после того, как он узнал диагноз, была похожая усмешка. Так кривят губы смертельно больные, знающие, что они обречены, что осталось недолго. Но это ведь... не про Якова?

— Ты начал курить? — тупо уточнила я, всё ещё не веря своим глазам. Нестеров, сделав затяжку, выдохнул струю густого дыма и молча кивнул. — Но почему? Тебе ведь всегда не нравилось.

— Мне и сейчас не нравится, — он вновь мрачно усмехнулся. — Но в жизни нам приходится делать далеко не только то, что нравится, сама знаешь.

— Приходится, да. Но курить же никто не...

— Поль, — перебил меня Яков, наконец выкинув сигарету. И правильно: здесь наверняка нельзя курить, удивительно, как ещё никто не примчался возмущаться. — Можно я подвезу тебя до дома? Заодно поговорим.

Я почувствовала, как вдоль позвоночника побежали панические ледяные мурашки, а ладони нервно вспотели.

Мама и Иришка почти наверняка будут ждать меня на детской площадке возле дома. Мама живёт не с нами, но рядом, поэтому мы, можно сказать, обитаем на две квартиры — и если днём, пока я работала, Иришка гостила у бабушки, то вечером они точно придут к нам, чтобы поужинать вместе.

— Не надо, Яш, — ответила я вежливо и прохладно. — Я сама доеду, тут недалеко, всего пару остановок на автобусе. Тем более сейчас пробки, а автобус имеет право двигаться по выделенной полосе, так что...

Конечно, на выделенных полосах тоже бывали пробки, но тем не менее — я даже не врала, отвечая Якову. Мне действительно было гораздо быстрее добираться до дома на автобусе, чем трястись в его машине. Ещё неизвестно, сколько мы простои́м.

— Тогда разреши тебя проводить, — предложил он, шагнув ко мне, и смотрел при этом так, словно мой отказ был

способен его убить.

Но согласиться я не могла.

— Извини... Не стоит, — я покачала головой и сделала шаг в сторону. — Яш, это как-то странно, учитывая, что сюда ты приехал с женой. Где она, кстати?

— Отправилась домой на такси, — ответил Яков, не обратив никакого внимания на мои слова про жену, будто её не существовало в природе. — Я просто провожу тебя, Поль, больше ничего. Провожу... и поговорим.

Меня словно разрывало от этого предложения. Одна моя часть рыдала от счастья, что наконец видит Якова, а другая — презрительно фыркала и закатывала глаза, думая, что это ловушка.

Опять то же самое, да? Сейчас он приложит меня-пластырь к своей больной мозоли, а потом вновь уйдёт к жене? Ну уж нет, у меня с тех пор и так сердце в шрамах!

— Не нужно, — я вновь покачала головой, отступая ещё дальше, а потом не выдержала и выпалила: — Не хочу, чтобы было как в прошлый раз. Мне не понравилось ощущать себя носовым платочком, в который ты высморкался, а потом выбросил и забыл.

— Я не... — попытался возразить Яков, потянувшись ко мне, но я решила, что на сегодня достаточно ругани.

Отвернувшись и поспешила к выходу с территории школы, плюнув на то, как выгляжу сзади. Сейчас тот факт, что я совсем недавно села в лужу, выбираясь из автобуса, не волно-

вал меня ни капли. По правде говоря, я почти успела забыть о собственном виде после того, как столкнулась с Яковом.

Какие лужи, какие пятна, когда моя жизнь, кажется, на грани катастрофы...

Яков

Он смотрел вслед Полине и не знал, что ещё сказать, как задержать женщину, которую не забывал ни на миг, несмотря на множество прошедших лет.

Увы, но тот Яков, которого Полина когда-то знала и уважала, больше не существовал. Можно было винить в этом Ксению, но Нестеров терпеть не мог, когда другие люди сваливали вину за собственные решения на близких, и сам так не делал. Нет уж, никто не заставлял его плевать на верность и семейственность, он сам всё сотворил. Да, этому предшествовали определённые события, но тем не менее — Яков мог поступить иначе.

Но не поступил, о чём теперь жалел.

Надо было разводиться тогда, восемь лет назад. Да, Ксения оказалась беременной, и Яков подумал, что это знак свыше, шанс для их семьи, которая когда-то была крепкой. Была ведь? Или он всё придумал изначально? Теперь уж и не поймёшь.

Полина, милый и замечательный человек, была права во всех своих упрёках. Несмотря на то, что изначально Яков не собирался только попользоваться ею, как носовым платком — хотя в их случае скорее как резиновой женщиной, — но

ведь так и получилось. Какая разница, что он там собирался или не собирался? В итоге он вернулся к жене.

В то время Яков ещё в глубине души надеялся, что всё образуется, что их с Ксенией семейная жизнь наладится, он сможет простить и чувства вернуться. Идиот! Надо было слушать не мозг, а сердце, которое рвалось к Полине и истекало кровью, которое каждый день больно сжималось, стоило лишь посмотреть на жену. Именно тогда Яков в полной мере осознал значение фразы «скрепя сердце» — потому что для того, чтобы продолжать жить дальше как жил, ему потребовалось именно скрепить сердце, сжать его стальными тисками, зацементировать, засыпать сверху землёй, поставить могильный камень и посадить цветочки.

Становилось легче только во время общения с детьми и на работе. Но нельзя же круглыми сутками работать или сидеть с сыновьями, общаться с женой тоже приходилось — и это общение не приносило радости, только горечь и сожаление.

Впрочем, вспоминать обо всём этом сейчас Яков вовсе не желал. И так с самого утра настроение поганое.

Очень хотелось пойти за Полиной, но он прекрасно понимал, что это не приведёт ни к чему хорошему, скорее наоборот — она разозлится. Нет, тут нужно быть деликатнее. Кроме того, для начала следует вообще подумать, стоит ли в принципе тревожить Полину. Вопрос-то непростой, несмотря на однозначность чувств Якова.

Вот уж в чём он был уверен, так это в собственных чув-

ствах — никто и никогда не мог для него сравниться с Полиной. Жаль, что осознал он это лишь после того, как они расстались. И он, конечно, её обидел, пусть и не хотел. Всерьёз намеревался остаться с ней, начать новую жизнь...

Ага, начал. Новую жизнь на старом месте, которая за восемь лет превратилась в каторгу, если не сказать хуже.

Сейчас, когда Яков обратился к Полине с просьбой подвезти её до дома, он не преследовал никакой конкретной цели, кроме одной — хотел узнать, как она жила все эти годы. Он почти ничего не знал о ней. С одной стороны, общие коллеги и сами толком ничего не знали о Полине, замечая, что она старается дистанцироваться от любых личных вопросов, а с другой — он старался забыть её, поэтому не спрашивал специально. Краем уха слышал, что она вроде бы родила... но какого пола ребёнок и сколько ему — или ей — лет, Яков не имел понятия.

И вот теперь выясняется, что дочь Полины будет учиться с Пашей в одном классе. Значит, по возрасту они явно близки.

Насколько близки? Неужели Поля быстро утешилась после расставания с ним и забеременела? Но ведь она тогда рассказывала, что в принципе не может забеременеть, они ведь и с контрацепцией по этой причине не заморачивались.

Подумав так, Яков зажмурился и мотнул головой, не веря, что вообще способен подозревать Полину в подобном поступке.

Она ведь не могла не рассказать ему о ребёнке?

Не могла же?! Не могла?!

Яков

Он очень старался ни о чём не думать и не вспоминать, не рассуждать о том, почему дочь Полины зовут Ириной, но мысли всё равно лезли в голову. И ещё одна выкуренная уже в машине сигарета не помогла.

— Когда же ты перестанешь дымить?! — вспыхнула Ксения сегодня, садясь в его машину, чтобы вместе отправиться на родительское собрание. — Достал!

Яков промолчал: сказать ему было нечего. Он был бы рад бросить курить, но не выходило. И вообще было ощущение, что если он бросит смолить, то сопьётся.

Изначально Ксения не собиралась ехать на собрание, решив сбросить эту повинность на Якова, но после передумала. Скорее всего, потому что вдруг выяснила, что первая учительница у их Павла ещё молодая женщина, стройная и привлекательная. Да, Заболоцкая — такая фамилия была у Анны Николаевны — чуть старше Якова и вообще замужем, но от ревности это Ксению не спасало.

Жена давно начала быть воплощением фразы «на воре и шапка горит» — сама умудряясь находить ухажёров где угодно, она подозревала Якова в том же самом, как и много лет назад. Хотя сейчас, в отличие от далёкого прошлого, он уже

не был перед ней не виноват, и дело не только в Полине. Увы, не только в ней... Но другие женщины не вызывали у Нестерова и половины таких чувств, какие вызывала Поля.

Поля... Нет, невозможно не думать о ней.

Она нравилась ему с самого первого дня, как устроилась в «Гутенберг» на должность редактора подростковой прозы. До этого рядом с Яковом сидела девица, которую он терпеть не мог, — склочная сплетница, к тому же она периодически пыталась подбивать к нему клинья и злилась, когда он не реагировал. Уволили её в итоге со скандалом, причём отчасти из-за Якова. Обижаясь на его отказы, эта дура взяла и подменила макет для отправки в типографию, чтобы вместо последней вычитанной версии из печати вышла предыдущая, с ошибками. Хорошо, что Яков заметил, а после и доказал заведующему, что это был злой умысел и кто на самом деле виноват.

Так что новую коллегу Яков встречал с настороженностью — мало ли, вдруг будет такая же мстительная скандалистка? И непроизвольно расплылся в улыбке, когда Полина зашла в редакцию.

У неё были пушистые волосы пшеничного оттенка, чуть ниже лопаток, — которые она обычно носила распущенными или стягивала в простой хвост. Очень светлая кожа, на щеках и носу россыпь милых веснушек, аккуратный нос пуговкой, красивая форма губ, которые она никогда не красила. И в целом лицо у Полины были настолько доброе и открытое,

что, глядя на неё, сразу понималось — она очень хороший человек.

За четыре года работы рядом со Свешниковой Яков не помнил ни одного случая, когда Полина бы совершила что-то неоднозначное, грубила или злилась. Да она даже обижалась как-то по-детски — он каждый раз умилялся, когда Полина выходила с совещаний, надув губы и беспомощно моргая, и тут же, смеясь, тащил её к автомату — отпаивать кофе и откармливать шоколадками.

Грешные мысли порой мелькали, да. Особенно когда Полина что-нибудь ела при нём, облизывая свои прекрасные губы, — почти невозможно было удержаться от фантазий. Но Яков легко гасил их, да и всерьёз никогда не воспринимал: Полина замужем, он женат, они коллеги и друзья — и всё. Ни к чему усложнять.

Хотя, когда Яков увидел её мужа, здорово разочаровался. И каждый раз, когда Полина говорила о супруге, Нестеров изо всех сил сдерживался, чтобы не высказаться ясно и чётко: Поля, он тебя не заслуживает.

Ага, а ты-то сам её заслуживаешь, придурок?

Яков усмехнулся и покачал головой.

Яков

Теперь он понимал: чувства, находившиеся в зачаточном состоянии, подавленные силой воли, закрытые наглухо, раскрылись почти целиком той ночью. Он отпустил себя, позволил себе то, о чём втайне мечтал, и если поначалу в Якове ещё клокотало раздражение по отношению к жене, то потом оно полностью исчезло. И он был лишь с Полиной — мысли о жене его не тревожили.

Более того, благодаря Поле он тогда и принял решение развестись. Чёткое, понятное и логичное решение. Он осознал, что не нужен ему никакой второй шанс, не хочет он оставаться с женщиной, которая два года делала из него рогатого новогоднего оленя. И как только Яков это понял, ему резко стало легче, как будто он наконец перестал рваться на части.

А Ксения взяла — и разорвала его вновь, сообщив о своей беременности. И угораздило же пообещать, что если ребёнок будет его, то он постарается сохранить семью! Какой бес на ухо нашептал этот бред? Надо было сказать, что дети детьми, но их с Ксенией пути разошлись, и уходить к Полине. А он...

Самая большая ошибка в его жизни. Ошибка, из-за которой он обрёл себя на безрадостное, бесцельное существование.

ние, отчаяние и уныние. Ошибка, которая превратила его из честного мужчины в мерзавца, чья крепкая семья существует лишь на бумаге.

Всё было плохо с самого начала. Оксана ворчала, что вновь придётся запустить учёбу, — хотя Яков сомневался, что её действительно волновала учёба, а не парень, с которым она встречалась, — капризничала и бесконечно обижалась на всё подряд. Нестеров понимал: это гормональное, тем более что беременность была тяжёлой, поэтому старался не отвечать на многочисленные подколки и игнорировать надутые губы, но как же всё раздражало!

Он даже испытал облегчение, когда Ксене почти сразу запретили заниматься сексом, — после Полины Якову было сложно даже просто ложиться с женой в одну постель, не говоря уже о большем. Абсурд — ведь, на самом деле, он Оксане изменил, а не Полине, — но вот такой выверт был у его подсознания. Никак оно не желало смириться с тем, что Яков вернулся к жене, его постоянно тянуло к Поле.

Да, первый год был настоящим кошмаром, но потом, когда родился Пашка, стало легче. Не в плане общения с Ксеньей, разумеется, — с ней катастрофа как началась, так и не заканчивалась, — просто тяга к Полине стала меньше. Скорее всего, потому что Якову банально было некогда думать о ней. Работа и двое детей отнимали у него всё время и все силы.

И первые четыре года было сносно. Терпимо. Но вот по-

том, когда Ксения решила отдать Пашу в сад, а сама наконец закончить институт...

Да, Яков быстро сообразил, что у жены началось всё то же самое, что было пять лет назад. Она расцвела, повеселела, и особенно весёлой становилась после «встреч с однокурсниками», как Ксения это называла.

Он тогда даже думал её разоблачить. Посмотреть переписку или проследить за женой, когда она поедет в институт или пойдёт куда-нибудь после занятий, — это было несложно.

Но неожиданно осознал...

Хотя почему неожиданно? Вполне ожидаемо, наверное.

Якову было всё равно, изменяет ему Ксения или нет. Врёт она или говорит правду. При мысли о том, что она может врать, он чувствовал не боль и разочарование, а полнейшую пустоту, будто все его чувства кто-то высосал.

Поэтому он просто плюнул. Пусть делает что хочет.

Теперь это уже неважно.

Яков

Как так получилось, что его брак, основанный на глубоком чувстве к девушке, которую Яков полюбил, когда она была ещё совсем маленькой девочкой, превратился... вот в это? Будто они с Ксеньей попали в кривое зеркало.

Если бы это было так! Но увы, никаких кривых зеркал и прочего волшебства — они сами, шаг за шагом, разрушали то, на чём изначально строился их совместный дом. И в последнее время Яков всё чаще задумывался, что пора бы с этим заканчивать. Что его тормозило? Да только то, что он понимал: сыновей после развода он будет видеть гораздо реже, и если старшего Ксения удержать не сможет — парню скоро семнадцать, предпоследний класс пошёл, — то младшего — запросто.

Никаких иллюзий о характере Оксаны Яков больше не имел.

Тогда, восемь лет назад, жена пошла ва-банк, атаковала его со всех сторон, забросала аргументами, а ещё изо всех сил давила на жалость. Яков подозревал, что Ксения не настолько страдала токсикозом и прочими прелестями беременности, как хотела показать. Впрочем, доказательств у него не было — лишь собственные ощущения, что его тогда

от души оплели паутиной лжи и притворства. И подхалимства, конечно.

Хотя во время беременности Ксения ещё не настолько подлизывалась — видимо, считала, что вполне достаточно её плохого самочувствия и вечных жалоб. Их и правда было достаточно: получив от врачей предупреждение не тревожить нервы супруги, Яков старался отмалчиваться по любому поводу. Пропадал на работе, сколько мог, а дома общался в основном с Ваней. С Ксеньей — только по делу.

Раньше, до всего, он часто делился с женой тем, что происходило в офисе, — рассказывал забавные случаи, описывал коллег, показывал выстраданные обложки, делился успехами. Больше не тянуло. Да, наверное, в этом была уже и его вина — даже вроде как решив налаживать отношения с женой, Яков не стремился делать никаких шагов навстречу. Он просто не мог заставить себя откровенничать. Возможно, потому что помнил признание Ксении, что она никогда не верила в его верность. Эта фраза запомнилась ему навсегда и продолжала тлеть в его сердце, пачкая душу угольно-чёрным дымом обиды.

Угольков подбрасывали и родители — и его, и Ксенины, — которые с того самого дня, как обо всём узнали от расстроенного Вани, хором повторяли одно и то же: не горячись, прости её, бес попутал, у вас такая хорошая семья, двое детишек, отпусти, и живите дальше. Насели на него, как персонажи сказки про репку на упрямый овощ, и тянули, тяну-

ли, тянули... Пока не вытянули из Якова все жилы.

Он чувствовал себя ужасно, когда отказывался от Полины, но на этом ничего не закончилось. Дальше всё было только хуже, хоть и полегчало после рождения Пашки, но тут тоже с какой стороны посмотреть — Ксения-то, избавившись от плохого самочувствия, решила взяться за Якова с удвоенной силой, и началось: вечерние семейные посиделки, попытка разговоров по душам, откровенное соблазнение. Жена очень виноватилась, вздыхала, пускала слёзы, обнимала, целовала, старалась быть самой идеальной — и Яков на какое-то время погрузился в идиллию семейной жизни. Ему тогда было даже немного стыдно из-за того, что всё это не доставляло ему никакой радости, хотелось сказать Ксене: «Прекрати! Не нужно!» — но он молчал, думая, что должно пройти время, что вот-вот, ещё немного, совсем чуть-чуть — и он ответит. Ну разве можно не оттаять, когда тебя со всех сторон облизывают, как вожака чупа-чупс?

Оказалось — можно.

Хотя внешне Яков ничего не показывал. Но не из-за Ксении — не хотел он обижать Ваню, который искренне переживал за родителей. Так и сказал Якову однажды:

— Пап, я же вижу, что ты маму не простишь. Она вроде старается, а ты ни в какую. А ей из-за этого обидно.

Обидно, да. Ксения пару раз начинала дуть губы, упрекала Якова в том, что он как манекен — улыбка, но холодный. Предлагала семейного психолога, гештальт-терапевта,

ещё каких-то сомнительных специалистов вплоть до деревенской бабки-шептуны — Якову кое-как удавалось избегать всех этих радостей. Обычно банальным путём: он таскал домой тортики, ублажал жену в постели, и на какое-то время Ксения забывала обо всём.

Но постель не равно душевная близость, и последняя к ним так и не вернулась.

Яков

На работу после родительского собрания Яков не поехал, хотя изначально собирался, не желая сталкиваться с Ксеньей дома. Впрочем, судя по тому, в какую сторону укатило её такси, — не домой она поехала. Ну и ладно.

Поставив машину на привычное место возле подъезда, Яков выбрался из салона и вновь закурил. В квартире он предпочитал не смолить, так что предается порочной привычке впрок.

Он начал курить пару лет назад, когда, отправившись в заграничную командировку, связался с замужней курящей итальянкой. Эта знойная женщина, громкоголосая, черно-волосая и смуглая, пахнувшая сладкими духами пополам со смолистым ароматом дорогого табака, стала первой в череде его одноразовых любовниц. Хотя, возможно, не стоит называть «чередой» трёх женщин — но для Якова это было много.

Да, именно тогда, в чужой стране, глядя на чужую женщину, к которой не чувствовал ничего, кроме банальной похоти, как при просмотре порнофильма, Яков и начал курить. Наверное, где-то в глубине души он уже понимал, в какую пропасть давно и упорно катится его жизнь, но, что с этим

делать, не знал. Вот и попёрло из него всякое дерьмо — и трахаться на стороне начал, и дымить, как паровоз.

Мелькала в то время мысль развестись, мелькала и мысль разыскать Полину, но осторожный вопрос про неё, который он задал одной из Полининых бывших коллег, разбился о краткие сведения:

— Слушай, ну я не знаю точно, она мало о себе рассказывает, но вроде как всё у неё отлично. Ребёнок, мужик есть, работа устраивает.

Он тогда кивнул и решил не тешить себя иллюзиями. Какая Полина, Нестеров? У неё давно своя жизнь, и слава богу. Ты же не думаешь, что она у окна сидит и тебя ждёт? Вот и забудь.

Но, независимо от Полины, развестись Яков хотел, тем более что Ксения тогда совсем перестала таиться, в открытую намекая мужу на свои развлечения на стороне. Зачем? Чёрт её знает. Якову было неинтересно, почему Ксения так себя ведёт. И он уже собирался заявить ей, что пора бы заканчивать с этим фарсом, когда Ваня вдруг сломал ногу, упав с велика, — и резко стало не до других телодвижений.

Потом настала осень, Ваня пошёл в школу — и сразу нахватал столько двоек, что Яков за голову схватился. А Паша через две недели после первого сентября умудрился заболеть ангиной, потом был двусторонний отит, потом Новый год, когда огорчать детей особенно не хотелось, потом Ваня участвовал в олимпиаде по географии, Паша вновь болел,

после был юбилей совместной жизни у родителей Якова — сорок лет, как-никак, потом лето и отпуск, вновь первое сентября...

Да, вот так всё и вертелось. И были моменты, когда Яков думал: да какая разница, в самом деле? Наверное, все так живут, просто он не в курсе. Живут как чужие люди, у которых почему-то есть общие дети и совместная квартира.

Да и идти Якову было некуда, не с родителями ведь жить, когда тебе уже под сорок? Снимать придётся, квартиру подходящую искать. Лень.

В общем, Яков давно понял, что являет собой типичного представителя плывущего по течению канализации куска говна, которое не тонет, но и поделаться с собой ничего не может — говну не стать цветочком и не прорасти деревцем на берегу.

И сейчас, после встречи с Полей, это как-то особенно остро чувствовалось.

Яков

Ванька и Пашка были дома.

— Мама написала, что будет поздно, — хмуро сказал старший, когда Яков вошёл в квартиру и принялся снимать ботинки. — А я думал, вы вместе приедете.

Яков промолчал, не зная, что сказать. Ваня до сих пор болезненно воспринимал любые их размолвки, но всё же гораздо спокойнее, чем раньше. Хотя, возможно, это было не спокойствие, просто сын повзрослел и больше не позволял себе слёз и жалоб, как в детстве.

С Пашей всё было сложнее.

Его баловали с рождения. Баловала Оксана, как болезненного ребёнка, выстрадавшего и появившегося на свет с огромным трудом для неё, баловал Яков, чувствуя перед Пашкой вечную вину за то, что не хотел его и всерьёз рассуждал о том, чтобы бросить нерождённого сына на произвол судьбы. Баловали дедушки и бабушки — ну, тем по статусу положено.

Его не баловал только Ванька, и оттого отношения у братьев были не очень. Пашка постоянно пакостил старшему, да и в целом характер у него был на редкость вредный, неуступчивый, а порой Якову казалось, что даже и злой.

Конечно, парню всего семь, рано выводы делать, но иногда, когда Пашка специально портил Ванины вещи, брал без спроса чужие игрушки с детской площадки и с удовольствием дразнил других детей, не обращая никакого внимания на увещевания, Якову казалось, что ничего уже не исправить. И они с Ксеньей что-то сделали не так с самого начала, когда принялись воспитывать младшего сына в меньшей строгости.

Как ни странно, но единственным человеком, который мог повлиять на Пашку, был Ваня. Несмотря на то, что каверзы младшего чаще всего были направлены на старшего брата, Ваня умудрялся находить управу на Пашку, и Яков порой даже не вмешивался в их ссоры — Ваня разруливал всё сам. И у него это получалось точно лучше, чем у Ксении, которая обычно не выдерживала и сразу начинала орать на высокой ноте.

— Я пиццу заказал, — продолжил Ваня и слегка вздрогнул, когда из комнаты, где обитал Пашка, раздался грохот. — Норм, ты же будешь пиццу?

— Буду, — кивнул Яков. — Чего там у Пашки? Швыряется учебниками в стену?

— Не знаю и знать не хочу, — отрезал Ваня и ушёл на кухню. Видимо, братья опять поцапались.

Младший ребёнок, взъерошенный, с упрямо поджатыми губами, сидел посреди комнаты и мрачно смотрел на сломанный стеллаж. Этот стеллаж Яков устанавливал сам несколько

лет назад, когда Пашкины книжки и игрушки перестали помещаться в прикроватном ящике и четырёх огромных пластиковых контейнерах. Шкаф был большой, под самый потолок, внизу — выдвижные ящики, куда Пашка складывал игрушки, а сверху — полки для книг. Стеллаж был метра полтора в ширину, и пара верхних полок оказалась сломана ровно пополам, будто кто-то их топором разрубил. Вокруг валялись книги и черепки от чего-то керамического — кажется, Ксения наверху хранила свою любимую аромалампу: ведьмин дом с мухоморами.

— Ну и зачем? — поинтересовался Яков, подходя к сыну. Пашка бросил на него полный обиды и слёз взгляд и воскликнул:

— А чего он?!

Ясно. Видимо, младший занимался своим обожаемым делом, а именно — ходил за старшим по пятам, взяв одну из музыкальных игрушек, и действовал на нервы. Когда сзади кто-нибудь барабанит или стучит по ксилофону, выйдет из себя даже святой. Ваня, конечно, близок к святому — за семь лет существования рядом с Пашкой натренировался, — но не настолько. Скорее всего, спрятал игрушку на верхнюю полку — благо рост под два метра позволял, а если уж встать на табурет, так вообще! — а Пашка полез доставать. В прямом смысле полез — как по лестнице карабкался, вот полки и не выдержали.

Хорошо, что сам не убился...

— Сильно ушибся?

— Хоть бы и сильно, тебе-то что? — огрызнулся Пашка. Ёж. Он почти всегда так разговаривал, и Якову заранее было больно думать о том, сколько проблем сын начнёт доставлять, когда пойдёт в школу.

Собственно, поэтому они пошли именно в эту школу, а не в свою районную, — Ксене рекомендовали Анну Николаевну, как учительницу, которая умеет находить подход даже к самым сложным детям. А уж их Пашка, ершистый и хулиганистый, точно не из лёгких.

— То есть, если я грохнусь со стеллажа, тебе будет всё равно? — поднял брови Яков. — Или Ванька, например. Помню я, как ты рыдал, когда он ногу сломал.

Пашка залился краской, но правоту отца не признал — только принялся ещё больше вредничать.

— Это когда было-то! Сейчас я старше.

— Взрослый, думаешь?

— Да!

— Ну тогда сам сможешь стеллаж починить. Раз взрослый. Правильно?

Сын надулся и поджал губы. Да, одновременно, и выглядело это очень забавно, но Якову было не до смеха.

— И без пиццы обойдёшься. Мама вечно говорит, что взрослым пиццу нельзя, чтобы не толстеть.

Пашка вскинулся и с возмущением воскликнул:

— Так ты же будешь её есть!

— А я, наверное, маленький, — пожал плечами Яков и вышел из детской.

Яков

В общем и целом вечер прошёл относительно спокойно, но Яков не обольщался — если бы Оксана явилась не за полночь, всё почти наверняка полетело бы в бездну. А так Пашка извинился перед Ваней, который довольно пробурчал: «Иди есть пиццу, демонёнок», а после ужина Яков вместе с сыновьями починил стеллаж. Больше братья не ссорились, и попутно выяснилось, что Пашка капризничает, поскольку очень не хочет в школу. Особенно он туда не хочет, потому что его будут возить на машине каждое утро, а младшего в автомобилях тошнило.

— Тут всего-то двадцать минут, а то и меньше, — утешал его Яков. — Зато учительница хорошая. И ребята, я уверен, тебе понравятся.

Он хотел сказать: «А ещё с тобой в классе будет учиться дочка моей старой знакомой, с которой мы когда-то вместе работали», но почему-то промолчал. Стоило только вспомнить, как Анна Николаевна сказала: «Мама Ирины Свешниковой», и у Якова внутри всё переворачивалось.

Возможно, это простое совпадение. Он всё-таки не верил, что Полина могла промолчать и не сообщить ему о беременности — это как-то чересчур, особенно для неё. Она не спо-

собна на подлость.

Скорее всего, просто вспомнила, что он говорил про имя для ребёнка, и решила последовать его примеру. Почему бы и нет? В тот год, когда у Якова родился Пашка, у коллеги из соседней редакции тоже родился сын, и она назвала его Павлом. Так и сказала: мол, услышала, как ты назвал, подумала и решила, что это имя мне нравится больше остальных. Имя-то не уникальное, не то что имена детей Илона Маска...

— А я не уверен, что мне понравится, — решительно и упрямо отрезал Пашка. — Да я, пока доеду до этой каторги, помру!

— Не надо так говорить, — пожурил его Яков, который вообще не любил, когда смерть упоминали даже в шутку, а Ваня насмешливо пробасил:

— Ты хоть знаешь, что такое каторга, ёжик?

Он постоянно называл так Пашку за ершистое поведение, порой младший обижался, но сейчас не обратил внимания.

— Знаю. Тюрьма такая! Десять лет учиться — чем не тюрьма?

— Ну, в чём-то ты прав, — хмыкнул Ваня. — Но всё не так уж и плохо. На уроках интересно. Не на всех, конечно, но мне много чего нравится. С ребятами весело, друзей новых найдёшь. Дев... — покосившись на младшего, который слушал с жадным вниманием, Ваня осёкся. — Экскурсии бывают классные. Да и нельзя не учиться, Паш. Иначе как в той сказке — козлёночком станешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.